

«Далида. Мой брат, ты напишешь мои мемуары»

Катрин Риуа

(перевод с французского языка Ирины Лиминг)

Предисловие Орландо

Эта книга – не биография Далиды: это жизнь Далиды, рассказанная мной, ее братом. Далида сказала мне: «Ты напишешь мои мемуары». Все, что вы найдете в этой книге, я рассказал по желанию Далиды.

Семь лет я хранил все документы, все записи, блокноты, газеты и письма, оставленные моей сестрой, в запечатанных конвертах, в сейфе. Через семь лет, найдя нужного мне человека в Катрин Риуа, я открыл сейф и конверты, я рассказал все то, что Далида мне доверила, и что я знал, начиная от наших предков и заканчивая ее уходом. Жизнь моей сестры была настолько богатой, что люди должны ее узнать. Я не имею права хранить это все для себя. Я должен был дать другим возможность узнать ее такой, какой она была на самом деле, под своими стразами.

Далида прожила несколько жизней в течение одной-единственной. Каждый эпизод ее биографии представляет собой целую жизнь для простых смертных. Ей выпала удача – и трудность – поскольку она взяла себе все жизни сразу. Этот рассказ освещает истинную натуру женщины, которая всегда отдавала себя без остатка. Далида много размышляла и анализировала, она и себя рассматривала как объект исследования. Весь этот труд призван осветить путь для других и служить примером.

Далида говорила: «Мемуары – это история жизни, а жизнь не может быть полной, пока ты ее не покидаешь». А еще она говорила, шутя: «У меня памяти нет, но у моего брата она имеется на двоих. Он напишет мои мемуары, потому что он мой двойник. Он проделал такой же путь и знает меня так же хорошо, как я сама.»

Если я не сразу опубликовал эту книгу, то потому, что хотел выждать необходимое время, когда не останется ни страдания, ни сожаления. Я хотел быть уверенным, что не предаю мою сестру. Я был ее свидетелем, ее зеркалом. Подобно промокашке, я впитывал все.

Начиная с возраста двух или трех лет труд Далиды, ее репертуар и ее жизнь были подготовкой ее ухода. Она постоянно работала над тем, чтобы вписать свое имя в вечность. Она не могла идти против своей судьбы; напротив, она помогла ей свершиться. Она была живой легендой, а сегодня она стала мифом. Я надеюсь, что остался достойным ее доверия.

ОРЛАНДО

Первая часть

РОЖДЕННАЯ НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА

Триумфальная арка Серрастретты

«Это она, это Далида!»

В начале 1962 года большой черный автомобиль взобрался вверх по узкой крутой дороге, ведущей в Серрастретту (Serreasretta). Эта деревня с тремя тысячами жителей находится вблизи от города Катанзаро (Catanzaro) в Калабрии (Calabre), на вершине холма, высушенного солнцем и размытого дождями. Чахлая растительность цепляется за скудную землю или за голую скалу. Дома теснятся по склонам, прижимаясь друг к другу, как испуганные овцы. Высокие стены с ветхой штукатуркой, узкие окна, украшенные коваными балкончиками, создают облик крепости. Между домами извиваются тесные мощеные улочки. Вот идет одинокая женщина в черном, преждевременно постаревшая; она несет на голове два больших мешка с зерном. Природа, архитектура, гордые и мрачные лица жителей говорят о суровости этого края землетрясений, где все, кажется, еще ожидают возвращения античных завоевателей.

Впрочем, пираты, разбойники, нормандцы, испанцы или сарацины уже не вернутся сюда. Напротив, это местная молодежь уезжает. Как когда-то их отцы, они бегут из этой бедной земли.

«Серрастретта» означает «тесная деревня». Массовая эмиграция отсюда началась во второй половине XIX века. Люди уходили пешком, с болью в сердце: калабрийцы очень привязаны к родным местам. В 1962 году бегство продолжалось. Все новые и новые жители решались оставить нищенское ремесло скотовода или пастуха, или же столяра. Ведь Серрастретта известна своим производством стульев.

В 60-е годы на севере полуострова началось «экономическое чудо», и те, кто еще покидал Серрастретту, не уходили больше пешком. Допотопная автострада соединяла теперь деревню с Катанзаро. Но вокзал располагался в пяти километрах, и, чтобы подняться к высоким домам, которые издали сливались со скалами, нужно было пройти каменистый путь, местами переходивший в свое природное состояние. Обочины заросли кустарником, и каждый год сильные сезонные дожди размывали их все больше. От этого дождя, который льет и сегодня, красивая молодая женщина укрывается в лимузине. Она видит слезы изгнанников. Ведь лишь немногие из тех, кто отправляется искать свое счастье в огромном мире, находят его. Еще меньше тех, кто возвращается разделить свое тяжело заработанное благосостояние со стариками, которые ждут, одев свои дома в траур, и с детьми, которые бегают по улочкам.

На площади, перед собравшимися жителями деревни, ждет маленький старичок восьмидесяти пяти лет. Худой, высохший, сторбленный, но с сердцем, полным гордости. Наконец, роскошный автомобиль останавливается. Красивая брюнетка выходит наружу. Пальто распахнуто, она покачивает прекрасной фигурой, соблазнительными бедрами. У нее резкие черты лица, гордая осанка. В ней есть нечто благородное и первозданное. Прямой нос античных статуй, миндалевидные глаза и густые брови местных девушек. Добавьте сюда чувственность цыганки-странницы, очарование уроженки здешних мест и чары Востока. Ее иссиня-черные волосы падают на округлые плечи. Она держится очень прямо и улыбается, показывая ровные, ослепительные зубы. От нее исходит солнечное сияние. Даже дождь почти перестает идти. Да, это она...

Собравшись на деревенской площади, обитатели Серрастретты с восхищением смотрят на это изумительное создание. И ведь это здешняя девушка! Притом Эудженио Джильотти, маленький старичок, сжимает ее в объятиях! Дедушка гости был его родным братом. Он живет в доме, соседнем с тем, где родился ее дедушка, и откуда он однажды ушел с узлом на плече. Вот он уже объясняет своей внучатой племяннице, как стремился с ней встретиться. Со слезами на глазах она узнает густую шевелюру всех Джильотти, выбеленную временем. Он сжимает ее ухоженные руки с ногтями, покрытыми красным лаком, в своих волосатых руках крестьянина. Он замечает, что она выше его на голову – она, которая не так уж высока...

Жители деревни толкаются, пихаются. Дети влезают на плечи, протягивают руки, чтобы лучше видеть. Балконы переполнены народом, как во время процессии Святой девы. Люди пока не решаются прикоснуться к гостье: она прибыла издали, ведь на самом деле ни она, ни ее родители никогда не бывали в этом краю... Но в застенчивых и смелых взглядах, которые она бросает вокруг себя, в благородных поворотах головы, в этом лице, похожем на трагическую маску, которая все же улыбается, люди узнают гордость, свойственную Джильотти. «Она достойна своего имени!», восклицает кто-то. Ведь «Джильотти» означает «маленькие лилии».

Женщины рассматривают героиню со смесью зависти и осуждения. Светлое шерстяное пальто, шейный платок, талия обхвачена широкими юбками. Ноги обуты в туфли на каблуках невысказанной высоты, купленные по бешеной цене в бутике Рима или Милана. Грудь свободно дышит в декольте, которое здесь, на крайнем Юге, кажется оскорблением добродетели. Не говоря уже об этих чересчур вольных прядях волос, которые не возьмет ни одна застёжка! И этот макияж!

Hai visto? «Ты видела?», вздыхает одна девчонка, толкая другую под локоть.

Черная извилистая линия толщиной в несколько миллиметров, подчеркивая взгляд лани, поднимается к внешнему уголку глаза, как будто продолжает бровь. Макияж оттеняет у этой египетской итальянки принадлежность к земле фараонов.

А рот! Ярко-красный, подведенный, блестящий, это рот Джильды, роковой женщины-вамп в узком платье, пожирательницы сердец в длинных перчатках. Это Рита Хейуорт с ее латиноамериканским шармом, чьей дублершей была Далида, когда делала первые шаги в кино.

«Эти *oriundi* – итальянцы иностранного происхождения – они здешние и нездешние», шепчет женщина в черном платке. «Рядом с ними мы чувствуем себя немного жалкими».

Но не все придерживаются такого мнения. Вот господин мэр – лысый человечек с тонкими усамы, чья трехцветная перевязь опоясывает внушительное брюшко. Он безмятежно улыбается под своим большим черным зонтом. Долгие месяцы он атаковал Далиду пригластительными письмами. Он умолял ее приехать, чтобы он мог назвать ее почетной гражданкой города. Слушая, как по телевидению превозносят ее калабрийское происхождение, он узнал, что эта новая звезда песни на самом деле носила имя Джильотти.

«Джильотти, их в Серрастретте хватает. И если эта Иоланда, это было бы...»

На следующий день мэр перевернул вверх дном весь повседневный труд работников архива.

«Мы немедленно должны провести исследование, чтобы другая коммуна не похитила у нас Далиду. До сих пор мы были известны лишь благодаря стульям, а теперь получим еще и звезду с международной славой».

В темной каморке, где свалены в пыли личные дела, все было разворошено. В конце концов нашлось доказательство, что прекрасная певица была племянницей старого Эудженио. Тут же была ревниво приклеена карточка, где имя Далиды вписали красным цветом. Архивные служащие нарисовали красивое генеалогическое древо, восходящее к третьему поколению, и послали его певице. Она узнала тогда многое, на что прежде не обращала внимания, и была очень растрогана. Ей сказали, что теперь она может покончить с наговорами итальянской прессы:

«Далида, *macchè italiana* (какая она итальянка)! Она не принадлежит ни к одной нашей семье! Она покинула Египет только для того, чтобы поселиться во Франции!»

Во время одной телепередачи она вынуждена была помахать перед носом зрителей своим итальянским паспортом, который ей выдало консульство Каира. Вот почему было разумно решено, что она должна начать свое турне с Серрастретты.

Ей достаточно просто показаться в этой стране, чтобы ее там приняли. Певцы, известные во всем мире, почти все итальянцы, и местная пресса чванится этим: Фрэнк Синатра, Ив Монтан, Вик Дамон, Конни Франсис, Франки Авалон, Катерина Валенте...

«Наша Далида – это другое дело!»

В самом деле, она не только поет, она еще и королева красоты! В Каире она была мисс Египет!

Такой прославленной женщины Серрастретта еще не видела. Кроме Мадонны во время процессий.

«Как подумаешь, что ее первая песня называлась «Мадонна» - разве это не знак, а?», восклицает женщина в толпе.

И вот, чтобы достойно ее встретить, снова соорудили триумфальную арку из зелени, впервые открытую по случаю прибытия статуи Святой девы... Когда Далида в свой черед проходит под ней, она не представляет себе, каких трудов стоило украсить ее в этом краю, где так мало листьев...

Внезапно крики «браво» и восклицания утихают. Мэр готовится произнести свою речь:

«Ваш неизменный триумф, - говорит он дрожащим голосом, наполняет нас глубокой радостью. В Калабрии или в Италии нет такого уголка, где бы ни говорили о вас, где ни напевали бы песен великой певицы, Далиды Калабрийской».

Никогда у профессора Манкузо не было повода рассыпаться такими цветами риторики. Захваченный своим волнением, он, кажется, хочет внушить: если о Далиде еще и не пишут в школьных учебниках, это вполне может случиться... Все это вызывает определенные усмешки местных журналистов...

Речь окончена, и толпа, не сдерживаясь больше, бросается вперед. Почти все находят у себя линию родства с героиней дня. Люди хотят потрогать ее платье, ее волосы; сказать ей пару слов, насладиться ее улыбкой. Амбициозная мать толкает вперед двухлетнюю девчужку. Она выглядит напуганной в своем белом накрахмаленном платье, ее волосы украшены огромным бантом. Мама назвала ее Далида: магическое имя станет воротами в прекрасное будущее... Но в эту минуту взволнованная девочка, которую заставили выучить песню, теряет голос...

Все восхищены естественностью Далиды, чувствительностью, которую она не пытается скрывать. Как ребенок, встречающий свое первое Рождество, она не перестает улыбаться. Во время банкета она демонстрирует отменный аппетит, а затем без колебаний идет танцевать тарантеллу вместе с местной фольклорной группой. Не согласится ли она к тому же опекать футбольную команду, не даст ли она денег для сирот? И она охотно отвечает на все вопросы, даже на те, которые связаны с ее замужеством.

Как правило, эмигранты возвращаются на родину, чтобы вступить в брак. Пока Далида не вышла замуж, местные парни стали мечтать об этом тоже. И когда кто-то из них забывал поухаживать за девчонками, они насмеялись над ним.

«Воображаешь, что женишься на Далиде?»

Калабрия и бикини

Гостя ослепила калабрийцев своей улыбкой, сияющей здоровьем, но те, кто испытал изгнание на себе, не обманывались. Темный бархат зрачков скрывал меланхолию, белок блестел радужным светом затаенных слез. Здесь, на этой площади Серрастретты, она оценила пройденный путь, она поняла, кем она стала.

Когда ей показывали дом предков с его простыми и темными комнатами, она была серьезна. Снова возникали воспоминания детства. Рассказы бабушки перестали быть сказками, они обрели плоть. Ведь дом в Каире тоже не был роскошным. В квартале Шубра как будто витал запах Калабрии с ее узкими земляными улочками. К тому же на благополучном Севере Италии людей с юга порой презрительно называют *terroni*, «деревенщины». А на крайнем юге полуострова, далеко у моря, жители часто обращаются к Востоку. В Каире Джильотти были европейцами в этом колонизированном мире: несмотря на скромное положение, они уже принадлежали к мелкой буржуазии. Лучше, чем в Серрастретте...

Это место одновременно казалось ей чужим и знакомым. *La Domenica*, сиракузская газета, отмечала горечь оставшихся по отношению к тем, кто уехал. Она подчеркивала оригинальность положения певицы, «рожденной на берегах Нила», проживающей в «аристократических парижских апартаментах», и владеющей документом, который гарантировал ей итальянское гражданство, даром, что ее отец даже не родился в этой стране... Слава потребовала от «самой дорогой певицы во Франции» эту противозаконную принадлежность к Италии...

В тот же период итальянская пресса опубликовала фоторепортаж, где Далида представала у себя дома, в облегающих брюках. Кошунственный наряд! Сидя на восточном ковре рядом с секретером, она смеялась от радости, когда слушала пластинку на проигрывателе «Терраз» последней модели. Ее так обрадовал собственный новый хит, в котором она перепела американскую песню: знаменитое ча-ча-ча о маленьком бикини в горошек... История девушки, которая запирается в купальной кабине, потому что стыдится показаться на людях столь мало одетой... Внезапно она заворачивается в полотенце, чтобы зайти в воду. Но потом она не решается вернуться на берег... Этот шуточный рассказ о конфликте между традиционной стыдливостью и новомодным соблазном выставить тело напоказ – песня-талисман меняющейся эпохи, начало тех самых 60-х, которые закончатся такими излишествами.

Как и все звезды, Далида воплощала свою эпоху и ее противоречия. И, однако, когда она появлялась на экранах итальянских телевизоров, одетая в несколько сантиметров красной ткани в белый горошек, казалось, что она явно выбрала свободу. Разве калабрийцы могли не узнать в ней внучку того самого Джузеппе Джильотти, младшего из пяти братьев, который в 1893 году, когда ему было шестнадцать лет, решил оставить родных?

В отличие от других, уезжавших в Америку, Джузеппе отправился в Каир, так как Египет был ближе к Серрастретте. Путешествие на корабле обойдется дешевле. И говорят, что там лежит новый Эльдorado. Эти богатые недра восточных земель нужно только исследовать: если ими заняться, золото будет бить ключом. Не говоря уже о культуре хлопка...

А Италия только что пережила трудные годы. Тяжелый экономический кризис повлек за собой голодные бунты. Цены на хлеб росли, царил ужасная безработица. Люди грабили булочные. В больших городах на севере, где проходили манифестации, солдаты стреляли по ним, и результатом были многочисленные смерти. Поэт д'Аннунцио говорил о «весне крови».

Последствия давали знать о себе еще многие годы. Они оставили свой след на Джузеппе, и он был достаточно напуган, чтобы рискнуть и поставить на карту все. Он долго обдумывал свой отъезд. Шестнадцать лет для крестьянина – уже возраст мужчины... Египет был тогда под английским протекторатом. Благодаря солдатам империи, над которой никогда не заходит солнце, мечта фараонов, возможно, могла возродиться. Мечта тысячи и одной ночи не была выдумкой: она ошибалась только во времени и нужном месте. Для Джильотти Египет, земля первозданных мифов, была всего лишь вехой на пути фортуны...

И внучка Джузеппе зарабатывала теперь деньги благодаря своему таланту и красоте, как гласило название ее последнего фильма, забавной полицейской комедии, чье действие происходило в Риме: *Che femmina... e che dollari!* (Какая женщина... и какие доллары!) Для той, которая воплотила в жизнь старую мечту двух поколений, связь с землей предков останется противоречивой. Ее будут продолжать упрекать в том, что своей славой она обязана Франции. Но в то же время ее знают и хотят видеть итальянкой. Семейная драма потери своих корней так и не сотрется до конца. Оригинальный разлад. Певица, с триумфом спевшая «Цыган» (*Les Gitans*), сама всегда и всюду будет чувствовать себя вечной изгнанницей.

Восточная мечта

В Каире, будучи ребенком, Далида мало знала о своем происхождении. Для изгнанников настоящее трудно, а будущее – оправдание бегства. Во времена дедушки Джузеппе люди не звонили друг другу по телефону и почти не писали писем. Члены семьи, которых разнесло по свету, потеряли связь между собой. Гораздо позже Далида найдет своего дядю на Юге Америки...

Она никогда не знала Джузеппе, дедушку с отцовской стороны, уехавшего первым. В Каире он сделался портным и умер в сорок лет, изнуренный лишениями и климатом. Свою силу Далида унаследовала от бабушки с материнской стороны, Элены. Рожденная в Пулье (*Pouilles – регион на юго-востоке Италии – прим. ред.*), Елена пережила нелегкую молодость. Большая любовь к соблазнителью из деревни, «очень богатому» мужчине, который пел серенады под ее окнами, оставила ей ребенка. Ей не повезло: любовник не сдержал обещания, отказался «исправить дело» и женился по расчету на другой.

Элена избегала осуждающих взглядов. Ее позор дал ей смелость уехать. Она решилась сбежать. Однажды она вернется и покажет предателю ребенка, прекрасную девушку, которой все будет удаваться... Сначала она отправилась в Калабрию, в Серрастретту. Она нашла ребенку кормилицу, и никто ничего не знал об этом. Она тяжело работала, а потом тоже поддалась восточному миру. Она прибыла в Каир вместе с маленькой дочкой – невежественная молодая мать, не знающая ни слова по-арабски. Об отце ребенка она сказала, что он умер.

Она стала гувернанткой в доме Нахаса-Паши, политика с властной натурой. Премьер-министр, он имел смелость не подчиняться королю Фаруку. Нахас-Паша возглавлял «Вафд», новую буржуазную партию с современными устремлениями. «Вафд» противостояла королевскому произволу. Нахаса-Пашу преследовали неудачи. Во время Второй Мировой войны англичане поддержали его, разделяя анти-нацистские взгляды, но потом позволили королю сместить в октябре 1944 года этого выдающего деятеля, когда перестали в нем нуждаться. В 1951 году Нахас-Паша взял реванш. Он начал против англичан партизанскую войну, которая ускорила падение Фарука.

Элена руководила домашними делами Нахаса-Паши. Она завоевала его доверие и, в конце концов, стала его советчицей. Страстно влюбленная девушка превратилась в суровую женщину. Ранние испытания оставили ей страх перед наслаждением. За все, что она узнала, она заплатила слишком дорого. В ее жизни отныне царили строгая мораль и работа.

Она добилась уважения своего работодателя, превратила свое поражение в успех. Далида унаследует от нее эту энергию, способную перевернуть землю. Представим себе, что такое было для молодой женщины уехать в Египет с ребенком на руках, в девятнадцатом веке! Решительность уживалась в ней с ловкостью. Это была женщина-дипломат, она умела убеждать, и благодаря этому сделалась тайным советником – высшее место в жизни, которого она могла надеяться достичь...

Элена так ни разу и не взглянула на другого мужчину. Она обосновалась в Каире, отказалась от мечты о триумфальном возвращении. Не без некоторого опасения она будет наблюдать позже, как ее дочь выйдет замуж за музыканта. Это был как будто рок: ей самой однажды вскружила голову серенада.

Элена воспитывала свою дочь Джузеппину в уважении к религии и семейным ценностям. К счастью, Джузеппина обладала нежным, любящим, верным, трудолюбивым характером. Ее мать пережила тяжелые минуты, и Джузеппина должна была возместить их своим безупречным поведением. По иронии судьбы, она, в свою очередь, влюбилась в скрипача...

Пьетро, впрочем, был серьезным молодым человеком, он хотел создать семью. Он выбрал Джузеппину, так как она была полной противоположностью его собственной матери, Розы. Невозможно представить себе более разных женщин, чем две бабушки Далиды, Елена и Роза. Роза, бабушка с отцовской стороны, была сумасбродной фантазеркой. У нее тоже был артистический темперамент. Красивый голос обеспечивал ей успех на праздниках. Она обожала петь *stornellate*, народные песни. Достигнув преклонного возраста, она все еще от души пела и танцевала всякий раз, когда представлялся повод. Она не была красавицей, но аплодисменты кружили ей голову.

Элена передала Далиде свою смелость, решительность и силу убеждения. От Розы же она взяла любовь к пению и танцам, вкус к жизни, фантазию, импульсивность. Обе женщины дали ей в наследство страстную натуру. Но Далида никогда не чувствовала себя близкой Розе. Позже, в Италии, уже на пенсии, Роза жаловалась, что внучка не навещает ее. Но у нее никогда не было материнских чувств: своим детям она давала понять, что они ее стесняют.

Ничто не могло отнять у Розы желание соблазнять - и конечно, не ее дети. Старший, Пьетро, унаследовал от матери артистический темперамент. Но он был трудолюбив, и его любовь к музыке принесла плоды. С четырех лет он учился играть на скрипке.

Пьетро было шестнадцать лет, когда умер его отец. Это была катастрофа: Роза все время увивалась за мужчинами, она бросила мужа и трех маленьких детей. Пьетро нашел свою мать у мужчины, от которого она потеряла голову.

«Мама, ты сейчас же вернешься домой, немедленно».

Роза подчинилась: она все-таки любила своих детей. Но Пьетро, в постоянном страхе перед завтрашним днем, останется отмеченным печатью одиночества. Печатью, которую он передаст, помимо воли, своей дочери...

Дузе

Став в силу обстоятельств главой семьи, Пьетро знал, что не может рассчитывать на свою чересчур эгоистичную мать. Тем не менее, он продолжал занятия в консерватории. Ободренный семейной легендой, он верил в свою судьбу артиста. Сестра Розы вышла замуж за Руджеро Дузе, немецкого кузена Элеоноры Дузе, великой трагической актрисы, соперницы Сары Бернар. Итальянка превзошла француженку в роли Дамы с камелиями. Предпочитая более современный стиль, она мало гримировалась, и ее игра была менее высокопарной.

Руджеро Дузе без конца говорил о своей знаменитой кухне. Та, однако, всегда игнорировала своих родных. Когда в первый и единственный раз она выступала в Каирской опере, Руджеро бросился к ней. Глаза Элеоноры, полные меланхолии, ненадолго задержались на нем. Ангельский голос бросил:

«У меня нет семьи...»

И все-таки Далида с раннего возраста слышала разговоры о Дузе, чей портрет украшал дом Руджеро. Еще раньше Пьетро узнал в нем легенду. Это был оглушительный успех. Премьера. Их судьба определенно бродила где-то возле сцены... Став певицей, Далида соединила в себе семейные артистические таланты. Такая же музыкальная, как Пьетро, она танцевала, как Роза. И, помня о далекой и прославленной кухне, она превращала свои песни в настоящие театральные номера, драмы в миниатюре.

Скрипка Пьетро

Чтобы платить за учебу и зарабатывать на жизнь для своей семьи, Пьетро рано начал выступать перед публикой и давать уроки детям. Преждевременный траур, чувство ответственности перед матерью и братьями тяжелым грузом легли на его плечи. Непреклонная воля и страсть к музыке поддерживали его. Скрипка – очень сложный инструмент, но он позволяет найти место в оркестре. Талант Пьетро развивался. Сначала он играл там, где мог, и, наконец, получил место первой скрипки в Каирской опере. Он никогда не будет виртуозом, за которым бегают весь мир: в опере звездами становятся на сцене, а не в оркестровой яме. Но для итальянца его поколения «бельканто» был высшей степенью музыки, которую обожали как простые люди, так и буржуазия. Только кино свергнет оперу как национальное развлечение.

Входя в Каирскую оперу, Пьетро переставал быть бродячим артистом, а становился уважаемым и почтенным человеком. После того, как Джузеппе занимался ремеслом портного, скрипка Пьетро обеспечивала хорошее общественное положение, но не богатство. Бум хлопка оказался недолговечным, и Египет снова скатился в бедность, из которой так и не выбрался. Кроме того, западное влияние ограничивало демографический прирост.

Как встретились Пьетро и Джузеппина? Она была домашней женщиной, маленькой и пухлой, у нее было красивое лицо с нежными чертами. Воспитанная у религиозных францисканцев, она

научилась там владеть иглой. Она была одаренной портнихой и умела шить одежду буквально из воздуха. Живя без отца и обладая кротким характером, она одновременно боялась и ждала мужчину. Подобно плющу, она навсегда обовьется вокруг Пьетро. В ее жизни было место только для одного мужчины. Благодаря своим пышным бедрам и любящему нраву, смягченному достоинством и нравственной силой, она, конечно, станет хорошей матерью.

Именно Элена нахваливала Розе достоинства своей дочери. Ведь эти две женщины знали друг друга. В маленькой итальянской общине Каира жители встречались часто, и только две семьи были родом из Серрастретты. В южной Италии, как и на Востоке, о браках все еще договаривались.

Роза же не видела ничего плохого в том, чтобы подтолкнуть своего Пьетро. Это был очень красивый молодой человек, мужественный и свободолюбивый, с густой темной шевелюрой и миндалевидными глазами. И такой чувствительный! Со своей стороны, Элена уже заметила его. Она прощала ему его ремесло, ведь она знала, что он был серьезным, амбициозным, трудолюбивым, и так нуждался в любви! Никогда Пьетро не покинет семейный очаг...

Благодаря своей роли в доме Нахас-Паши, а также строгой экономии, Элена обладала некоторым достатком. Она подарила дом в приданое своей дочери, которая стала первой собственницей в семье. Молодая пара поселилась в белом доме в квартале Шубра, в двух шагах от Розы – но не у нее, как того требовал обычай.

- У моей дочери будет свой дом, где она будет хозяйкой, - сказала Элена.

Она знала об эгоизме Розы и не хотела, чтобы Джузеппина с ее золотым характером попала под влияние свекрови. А жизнь научила ее, что женщина должна уделять внимание своим собственным потребностям. Опыт, и возможно, еще интуиция...

Пьетро достаточно зарабатывает на жизнь, а Джузеппина - отличная хозяйка. В Шубре жизнь тиха. Улицы узкие, но домов, выкрашенных в белый, коричневый, розовый или зеленый цвет, еще не слишком много. Здесь не чувствуешь себя окруженным толпой. Арабы и европейцы уживаются в мирном согласии. Тут можно слышать, как говорят по-арабски, по-французски, как и по-итальянски, по-английски, по-гречески. В обеденные часы из кухонь доносятся разнообразные запахи. Еда позволяет выражать дух товарищества и солидарности, а также арабского гостеприимства. Когда хозяйка готовит особенное блюдо, она всегда делает порции больше, чтобы угостить соседей... В высоких и узких домах выходят на улицу балконы и террасы. Средиземноморье и Восток тесно сосуществуют друг с другом. В каждом доме слышно все, что происходит. Женщины поют, развешивая на крышах белье, болтают в прохладной тени двориков. Звуки скрипки Пьетро убаюкивают улицу.

Белый дом с деревянной резной дверью, с коваными решетками в стиле арт-деко, принадлежал музыканту и его детям: двум мальчикам и девочке, средней. Старший, названный эпическим именем Орландо, был серьезным и реалистичным мальчиком. Три года спустя, 17 января 1933 года, родилась Иоланда. А через несколько лет пришла очередь второго мальчика, Бруно. Несмотря на свое имя, это был ребенок со светлыми волосами и белой кожей, как его дедушка.

Нелегкий рассвет

В отличие от своих братьев, Иоланда появилась на свет с большими трудностями. Пришлось использовать акушерские щипцы. Ребенок родился почти синим. Ее крестили немедленно, испугавшись, что она умрет. Позже страх перед удушьем будет сопровождать ее одиночество, и она будет жить в искушении перед смертью. Она спросит об этом свою мать: а если, при ее рождении, образовалась какая-то странная вещь? Какой-нибудь черный отпечаток в ее мозгу...

К счастью, родившись под знаком Козерога, она была упорной, она хотела жить. Крутые пути не внушали ей страха. Кристина Иоланда была малышкой с ямочками на щеках, с густыми черными волосами. Она стала любимницей своего отца. Властные созвучия, которые он извлекал из своего инструмента, одновременно пугали и притягивали ее. Но Пьетро был вспыльчивым: он слишком много кричал. Она оценит его лишь гораздо позже. Она скажет о нем:

- Это был человек высокой морали и редкой эрудиции. В память о нем я посвятила себя музыке.

Иоланда предпочитала свою мать, такую нежную. Она испытывала к ней едва ли не чрезмерную привязанность, она не выносила, если приходилось с кем-то ее делить. Когда родится младший брат, ее это разозлит и обидит.

Ребенок цеплялся за мать с бешеной силой. Джузеппина не могла отнять ее от груди. Часами напролет маленькая девочка требовала грудь. Тот самый голос, за который она упрекала отца, она от него унаследовала.

- Иоланда кричала громче, чем другие, - вспомнит позже одна соседка. - Мы сразу отличали ее голос от криков других детей квартала.

Когда молоко кончилось, Джузеппина по совету доктора намазала грудь горькой мазью. Ребенок вопил, но потом смирился. Уже во взрослом возрасте, в депрессии, она хотела узнать у матери, спрашивала себя, какую связь с наслаждением мог породить такой опыт. «Отвращение к телу, отказ от сексуальности?», запишет она в своих блокнотах.

Жизнь снова оказалась сильнее. Ребенок все забыл. Все шло хорошо в доме Шубры. Радио включали очень часто. Итальянская передача позволяла сохранять связь с Европой. Просачивались слухи о войне. Муссолини с его массивной челюстью, всевидящим оком, четкой и отрывистой речью, разговаривал с бедными и униженными итальянцами о возвращении античной пышности Рима и славы возрожденной империи. Он смотрел в сторону африканского континента.

Но Европа так далеко! Египту война не грозит, думали Пьетро и Джузеппина. Ссылка имеет свои преимущества.

Такая долгая ночь

Темноволосая и улыбчивая, малышка Иоланда отличалась необъяснимым обаянием, от которого таял ее отец, а Джузеппина – Пеппина для близких – лелеяла ее. Жара и отсутствие гигиены у крестьян, которые привозили овощи, молоко и мясо, были опасны для младенцев. Родители боялись обезвоживания, дизентерии, лихорадки. Но когда девочке было десять месяцев, и в ее глаза попала инфекция, они не слишком обеспокоились. Это часто бывает, и это можно вылечить: «Обычная офтальмия», сказал местный доктор. Мухи, ветер из пустыни, избыток солнца? Он посоветовал завязать ребенку глаза на сорок дней. Радикальная мера. Если защитить глаза таким образом, они наверняка вылечатся.

Маленькая девочка не понимала, почему на нее опустилась ночь; эта черная повязка мешала ей и раздражала. Она сорвала ее. Джузеппина повязала снова. Иоланда упорно сорвала ее опять. Пришлось связать ей руки. Она кричала до изнеможения, она задыхалась. Она посинела, как при рождении. Эти крики ужаса и ярости разрывали сердце родителей. Когда у нее кончились силы, ее всхлипывания, полные отчаянной покорности, стали еще жалобнее. Наконец, она уснула, побежденная. Родители печально рассматривали личико, мокрое от слез, все еще сведенное судорогой. Они с трудом сдерживались, чтобы не снять повязку и не прекратить эту пытку своего ребенка. Но простые люди в то время, когда болезнь и смерть казались еще такими грозными, не оспаривали указания врачей.

Лишившись зрения, ребенок сосредоточился на звуках. Пеппина замечала: когда звонили колокола соседней церкви или когда раздавалось пение муэдзина, девочка затихала и поворачивала голову в этом направлении. Успокоившись, она слушала.

Пеппина стала петь ей песни. Пьетро придумывал колыбельные на своей скрипке. Эффект был волшебным. Иоланда, свободная, гуляла в великолепном саду музыки. Отец очарованно воскликнул, что у него хорошая дочка. Как ни одно другое искусство, музыка разговаривала с одинокой душой. Для той, которая это поняла, все вокруг стало мелодией. Даже крики старых ослов складывались в песню. Отчаяние открыло ей ворота в королевство, где позже она станет королевой.

Иоланда не могла перестать искать свет. Ночью шум на улице и в доме затихал. Только лай собаки порой нарушал мрачную пелену тишины. Для ребенка с завязанными глазами не было больше ни дня, ни ночи. Снаружи слышались спотыкающиеся шаги пьяницы или быстрая походка запоздалого прохожего. Шум открывающейся двери означал долгожданное возвращение Пьетро. И снова ребенок заплакал. Отец сказал несколько успокаивающих слов, склонившись над кроватью:

- Это чтобы ты была красивой. Чтобы у тебя были прекрасные глаза. Глаза египетской царицы, глаза Нефертити.

Девочка еще не понимала этих слов, но они остались с ней. Дружеские слова. Навсегда.

Отец ушел. Его шаги замерли. Он лег спать. Мир снова стал немым. Тишина имела цвет пустыни. Секунды убегали, как песчинки, стекая вникуда. Пустыня была бесконечной, невообразимой. Ее смертельный мрак сопровождался безжалостной музыкой ветра. Эта музыка походила на грохот небытия.

Для ребенка, который мог только слушать, тишина во все эти долгие ночные часы становилась неотвязной. Как белый шум, наполняющий голову.

Возвращался день, такой же темный, как ночь, но отмеченный знакомыми шумами. И запахи: аромат кофе или одеколona Джузеппины, которая наклонялась над дочерью. Она кормила ее в темноте, убедившись, что повязка на месте. Потом она ушла.

Позже Далида будет бороться с возвращением ночи, этой предательницы. Никогда нельзя быть уверенным, что ночь уйдет и уступит место заре. Она будет бороться с помощью потоков света и музыки. Она будет соблазнять темноту, как неустанная рассказчица из «Тысячи и одной ночи».

«Четырехглазая»

На сороковой день повязку сняли. Испытание закончилось. Мать, дрожа от радости, развязала ткань. И это был кошмар. Вместо того, чтобы исчезнуть, инфекция усилилась. Глаз был полон гноя. Глазной нерв, пытаясь найти свет, сместился к уголку носа, и это вызвало косоглазие. Ребенок был изуродован.

Обезумев от горя, Пьетро выбежал на улицу. Он выкрикивал имя врача-преступника, он хотел застрелить его. Ошеломленная Джузеппина прижимала к себе свою плачущую дочь. Ведь долгожданный свет теперь причинял ей боль.

Через несколько дней один глаз вернулся в нормальное положение, но другой оставался неустойчивым. Страшные боли стискивали временами голову ребенка. Местный врач признал свое бессилие. Родители посоветовались со специалистом, внушающим доверие. Оперировать можно было в восемнадцать месяцев, когда глаза обновляются и хорошо реагируют.

Операция состоялась в назначенное время, но удалась лишь частично. Головные боли регулярно возобновлялись. Когда ребенок уставал или волновался, зрачок снова смещался к уголку глаза. Восстановительные упражнения были мучительными и утомляющими.

Есть фотография Иоланды в этом возрасте, с короткими волосами, одетой в передник в клеточку. Белые носки доходят до колен, но башмаки покрыты красной пылью Каира. Брат, одетый в темную школьную форму, держит ее за руку. Двое детей стоят во дворе дома. Орlando выглядит немного скованным в роли ответственного старшего брата. Он сжимает ручку своей сестры покровительственным жестом. Болезненная улыбка Иоланды нервно изогнута в сторону больного глаза, который щурится, не вынося яркого солнца.

На другом фото Иоланде три года. На ней светлое хлопковое платье с воротничком. Из лоскутов дешевой ткани Джузеппина шила восхитительные вещи для дочери. Ее волосы отросли, они очень густы и подстрижены в духе Жанны д'Арк, с челкой. Девочка сидит на стенке, одна ее нога подогнута, рука оставлена назад. Будь она взрослой, это была бы поза кокетки.

Когда эта фотография была снята, Иоланде уже сделали первую операцию, но она еще не носит очки. Голова кокетливо наклонена в сторону, на лице загадочная полуулыбка. Косоглазие меньше заметно, но глаза как будто в тени.

В четыре года прошла вторая операция. Теперь взгляд стал немного более устойчивым. Но излечение никогда не будет полным. Она должна была теперь проводить долгие часы за восстановительными процедурами. Она покорно подчинялась. Она быстро поняла, что эта проблема делает ее изгоем. Иногда ее рассматривали со слегка назойливым любопытством: «Бедняжка». Доктор прописал большие очки с очень толстыми стеклами. Иоланда не нравилась себе. Когда она видела свое отражение в окне или витрине, это каждый раз был шок. Дома, перед зеркалом, она снимала очки. Ее расплывчатое лицо терялось в тумане.

По вечерам она засыпала только при свете ночника. Когда мать посылала ее в погреб за маслом, она пела, чтобы придать себе храбрости. Ее голос уже сейчас мог освещать ночь.

Она пошла в школу святых сестер Марии Асильятриче, итальянок. Школа находилась в белом здании с зелеными ставнями, со стенами, увитыми плющом. Толстые стены с узким проходом наружу защищали от уличного шума. Но во дворе под пыльными платанами звучали детские крики. Иоланда любила там тихий уголок, где в барочном гроте вечно бодрствовала каменная мадонна. Сестры украшали ее цветами. Иоланда восхищенно застывала перед ней. Джузеппина приучила дочь к набожности. Глаза Мадонны видят все страдания. И все же в складках ее плаща прячется бесконечный покой. Под ее взглядом девочка не была больше дурнушкой в очках.

Как все маленькие девочки, ученицы здесь играли в классики и скакали: на одной ноге, на другой, крест-накрест, прыжок. Очки мешали Иоланде, она боялась разбить их. Она знала, что они дорого стоили родителям. К тому же ее почти не приглашали играть: она была не такой, как они. Она всегда будет отличаться от других, ей удастся лишь слабость в превосходство. Сейчас независимый и гордый вид уже отделял Иоланду от других детей, которые не понимали этого. Безжалостные ребята прозвали ее «четыреглазой».

К счастью, сестры любили ее. Для них каждое страдание было страданием Христа. И они замечали у этой мечтательной девочки огромное желание быть хорошей. Иоланда охотно училась читать. Для нее это была возможность отвлечься. Но все же она не могла читать долго, потому что поврежденный глаз болел. Это отбивало у нее вкус к знаниям, который она снова обретет лишь гораздо позже. И она не решалась жаловаться.

Когда Иоланда выходила из школы, старший брат ждал ее, чтобы отвести домой. Она присоединялась на кухне к Джузеппине. Мать готовила для нее плотный обед:

- Ешь.

Её девочка казалась ей худой, как уличная кошка.

И всегда по радио передавали прекрасные песни. Они рассказывали о горячих легионерах, о жизни в розовом свете, об ожидании любви.

Джузеппина листала журнал. Она показала дочери выкройку платья:

- Ты будешь красивой в этом!

Иоланда заплакала. Джузеппина обняла ее, она почувствовала запах мыла и соды. Очень нежно мать сказала Иоланде:

- Когда ты вырастешь, ты будешь красивой.

- Самой красивой?

- Да, самой красивой.

- Но ждать так долго! – пожаловалась девочка.

Девчонка-сорванец

Нет недостатка в детских сказках, где встречаются герои, подобные Иоланде. Девочки, непохожие на других, сравнивают себя с гадким утенком, который однажды станет прекрасным лебедем. Или с Золушкой и ее каретой. Пеппина, помощница дочери, пыталась играть роль феи. Ее волшебная палочка была очень проста: это игла. Ритмичный и успокаивающий стук швейной машинки раздавался до поздней ночи. Она хотела видеть свою девочку кокеткой. В семь лет Иоланда уже казалась себе невестой. Мальчишка со сбитыми коленями и черными ногтями нашел ее «не такой уж уродкой». Минута передышки. Но ни комплименты мальчишка, ни самые очаровательные платья, ни самые изящные воланы, ни самые белые оборки не могли надолго заставить забыть об очках. Одета лучше других, она чувствовала себя еще более отверженной. Как будто разделенная надвое. С телом все в порядке, с лицом ничего не поделаешь.

И Иоланда невзлюбила эти бесполезные тряпки. Она разозлилась на символы женственности. Все женщины казались ей пленницами. Ее мать служила культуре домашнего очага: настоящая итальянская татта, она переходила от кастрюли со спагетти к швейной машинке. Сестры, бледные под своими вуалями, заперлись, чтобы молиться Богу. Арабские женщины, тоже под вуалью, были узницами традиции. Иоланда боялась плена и испытывала неутолимую жажду свободы. Плен - это повязка на глазах, связанные руки, ночь среди дня. «Нужно страдать, чтобы быть красивой», сказали ей. Она страдала, но не стала красивой. Она больше не хотела страдать.

По вечерам ее отец надевал фрак и отправлялся к огням Оперы, к ее позолоте и бархату, ее сверкающим канделябрам. Женщины там носили великолепные туалеты, недоступные для Пеппины с ее лоскутами ткани. Оперные дивы, которых любил ее отец, очаровывали целые толпы;

никто не мог устоять перед их шармом. Эти женщины не запирались, они выставляли себя напоказ. По радио смелые героини дня без конца признавались в любви и страданиях. Влюбленные женщины в песнях, которые из всех сил любили своих мужчин, желали, вздыхали, дерзали. А дядя часто рассказывал о Дузе, которая вышла из ничего и достигла всего, которой теперь кричали «вива» во всех театрах.

И, наконец, кино! Дядя был киномехаником в кинотеатре на открытом воздухе. Благодаря ему вся семья отправлялась туда бесплатно. Они смотрели фильмы без разбора. Это был золотой век Голливуда. А Каир – это Голливуд Среднего Востока. Студии без конца выпускали музыкальные комедии. Женщины-вамп с глазами, подведенными тушью, с тяжелыми украшениями, танцевали танец Семи Вуалей для соперников Валентино. Этим женщинам не нужно было больше ничего делать: они властвовали над мужчинами.

Вкус к актерской игре у Иоланды появился с трех или четырех лет. Она представляла себя на месте этих загадочных актрис-победительниц. У нее не было других зрителей, кроме Джузеппины, которая понимала, что ее дочери нужен любящий взгляд. У нее было желание внушать интерес к себе – желание, которое, возможно, не так ярко проявлялось бы у ребенка «такого, как все». И мать ее в этом поддерживала.

Иоланда с неукротимым рвением стремилась на сцену. Возвращаясь из школы, она сооружала декорации из кухонных стульев и разыгрывала перед матерью свой день в классе, одновременно играя все роли. Джузеппина смеялась до слез: какой неотразимый ребенок, просто луч света в ее хозяйственных буднях.

В четыре года Иоланда узнала, что такое петь под фонограмму. Она должна была выступать на празднике по случаю окончания школьного года. Она репетировала, репетировала, репетировала. В конце концов, она заболела от волнения. В решающий момент она потеряла голос. Потеряв свой великий шанс, она была в отчаянии. Сестра Феличина, тронутая этим горем, придумала хитрость: Иоланда будет делать все нужные жесты и изображать, будто поет. Говорить вместо нее будет сестра за кулисами. Этот трюк вызвал аплодисменты. Иоланда извлекла отсюда первый урок: чтобы ни случилось, надо выходить на сцену, когда публика вас ждет.

Своих кумиров Иоланда находила на экране, когда магия кино расцветала в ароматной каирской ночи. Ее любимцами были Ава Гарднер и, прежде всего, Рита Хейурт. Рыжая соблазнительница в узком облегающем платье, незабываемая исполнительница роли Джильды соединяла в себе роковой соблазн женщины-вамп и истинную сердечность. Как и Рита, Иоланда была приличной девушкой. Она хотела соблазнять, только чтобы выжить.

Единственная женственность, с которой Иоланда могла себя отождествлять, принадлежала мечте. Никакая метаморфоза не будет настолько яркой, чтобы возместить годы, проведенные в тени.

В школе ее любимым предметом была библейская история. Здесь она находила героинь в соответствии со своими мечтами. Одна особенно пленяла ее. Вовсе не святая Блондина и ее львы: нет, Далила, обольстительница из Ветхого Завета. Женщина, перед которой не устоял самый сильный мужчина.

Когда Иоланда юной девушкой бросится в артистическую карьеру, она выберет своим псевдонимом сначала Далилу. На Среднем Востоке девочек нередко называли этим именем. В Библии Далила потребовала от Самсона, чтобы он был сильным как мужчина – и даже самым сильным среди них. Библейская женщина-вамп, Далила смеялась над запретами. Библия прославила ее подвиги в веках.

Но если девочка Иоланда видела себя исторической героиней, она искала в себе и черты героя. Когда на Самсона опустилась ночь, у него не было ничего, кроме храбрости, убеждения, что он избранник судьбы, и его ума. И он отомстил ценой своей жизни тем, кто выставил его на посмешище.

Мужские качества тем более очаровывали Иоланду, что у нее было двое братьев. Мальчики ладили между собой как мошенники на ярмарке, и оба обожали сестру. Вспыльчивая, как отец, Иоланда часто спорила с ними, но потом всегда мирилась. Старший брат все знал о ее страданиях и защищал ее. Когда он увидел, как она несчастна среди маленьких фурий, он предложил ей участвовать в мальчишеских играх. Он пригласил ее в банду сорванцов. Наконец, Иоланда вздохнула свободно. Чтобы мальчишки этого возраста приняли ее в компанию, ей совсем не нужно было быть красивой. Наоборот, это помешало бы. Теперь все запреты для женщин не

имели силы. На Востоке мужчина – король. Если Иоланда не могла быть хорошенькой девочкой, она стала отличным сорванцом.

Только у Орландо, старшего, был велосипед, но он служил всем троим. Они вместе ездили на прогулки. Это был мальчишеский велосипед, и у Иоланды задиралась юбка, но ей было наплевать. Физические упражнения были прекрасным способом выплеснуть энергию. Брат заметил ее и принял в футбольную команду. Она стала превосходным игроком. Но эти удары ногой! Платья в оборках, сшитые Пеппиной, возвращались в дом грязными и разорванными. Но зато девочка, вся потная и растрепанная, улыбалась. Иоланда отказалась от всего, что изобличало в ней девчонку, она выбросила в окно куклу, которую подарила ей подруга матери. Она предпочитала разыгрывать замечательные сражения со свинцовыми солдатиками своих братьев. Ее живописный язык ужасал Джузеппину, которая никогда не произносила грубых слов. Если ее уговаривали вернуться домой, Иоланда приходила в страшный гнев, кричала и топала ногами.

- Она похожа на меня! – восклицал Пьетро скорее с гордостью.

Она уважала Орландо. Но ближе всего ей был Бруно, самый младший. С самого начала он придумал себе истинный культ своей сестры. Если он участвовал в игре, ее внешность девчонки-сорванца не обманывала его. Для Бруно Иоланда была солнцем. Он был уверен, что когда-нибудь она станет знаменитой. У «четырёхглазой» девочки было одно исключительное качество, названия которого ребенок еще не знал: харизма. Он чувствовал в ней скрытую силу, которая однажды даст о себе знать, но вместе с тем и огромную уязвимость.

- Все ранило ее, - рассказывает он сегодня. – Когда мой брат и я вспоминали детство, это были счастливые воспоминания. Для нее же это был кошмар.

Он поклялся защищать ее, помогать ей, посвятить ей свою жизнь, чтобы она сияла. Сестра была его кумиром. Как и Джузеппина, еще один центр любви.

Война!

В 1936 году итальянская армия захватила Абиссинию. Муссолини вел в Египте пропагандистскую анти-британскую кампанию. Устав от англичан, страна не имела ничего против армии Оси. Сам король Фарук поддался. Ведь англичане поддерживали «Вафд», буржуазную партию, явных антинацистов. Та самая «Вафд», где Нахас-Паша, хозяин Элены, был лидером. Но египетские итальянцы *заранее* вызывали подозрение. Стали говорить об интернировании. Большая часть не верила этому: какое зло они могут причинять? Они всего лишь занимаются своими делами, они уважаемые члены общества. Египет пока не вступил в войну, и из Каира Европа казалась такой далекой...

В Шубре, конечно, тоже жили англичане. Они были здесь хозяевами. К тому же все тетки Иоланды вышли замуж за англичан. Но арабское население квартала, занятое своими скромными делами, всегда больше соприкасалось с итальянцами, французами и греками – в радостном братстве обездоленных.

На улице, общаясь с детьми, Иоланда выучила арабский. Восточная цивилизация, такая чужая и такая близкая, очаровывала ее. Она любила монотонное пение муэдзина, как и строгую и безупречную архитектуру, и мечети. В эти места, одновременно тайные и доступные, люди приходили, чтобы поразмышлять в прохладной тени.

Джузеппина же испытывала особенное благоговение перед Мадонной. Она подарила своей дочери медальон Святой девы, который должен был защищать ее. Она всегда носила его на шее. Иоланда чувствовала себя особенно близкой Терезе из Лизье, Маленькому цветку Иисуса. Ее статуя украшала соседнюю церковь Святой Терезы, куда семья ходила на богослужения. Иоланда часто молилась здесь.

Прошлое Египта с его фараонами очаровывало ее. Пустыня начиналась у городских ворот. Автострада вела к пирамидам, куда семья ездила на прогулки и пикники. Флегматичные верблюды прогуливались здесь с детьми. Вершины пирамид Иоланда видела с террасы дома. Она порой мечтала об этом великолепном мире богов и королей, засыпанном песком и источенным ветром. Отсюда ее любовь к величию.

Этот мир казался незыблемым, время не принималось в расчет. Традиции сохранялись с незапамятных времен. Влияние Запада было только видимостью. Рано или поздно песок пустыни покроет все мелкой красноватой пылью.

Вступление Египта в войну было как гром среди ясного неба. В 1940 году король Фарук под влиянием англичан решился вовлечь свою страну в военные действия. Там, в Италии, Бенито Муссолини с его жадной власти все еще пользовался любовью толпы. Толпа была похожа на женщину, которую нужно соблазнять любыми способами. Фашистская мечта – труд, порядок, справедливость через повинование – воплощалась в жизнь с помощью насилия. Годами отряды чернорубашечников прочесывали города и деревни в погоне за «красными», подвергая непокорных пытке касторовым маслом. Гражданская война предшествовала там войне обычной.

Иоланда не обращала на все это внимания. Война для нее началась однажды вечером, когда прозвонил колокол. Уже долгое время до этого в итальянской общине царила тоска. Иногда женщины тихо разговаривали между собой. Говорили, что англичане заберут мужчин. Они уйдут в неизвестность. Нельзя сказать, когда.

Однажды ночью в дверях показались двое в непромокаемых плащах и фуражках. Все произошло очень быстро. Пьетро мог забрать с собой только самое необходимое. Он не знал, куда его уводят. Только через неделю семья получила новости. Его отправили в лагерь в Файеде, рядом с пустыней, не слишком далеко от города. Джузеппина могла отнести ему некоторые вещи, но только те, что разрешались правилами.

Со следующего дня жизнь полностью изменилась. Для Иоланды это было знакомство с терзаниями разлуки. Когда у нее были завязаны глаза, с ней хотя бы были те, кто ее любил. Ночь казалась теперь вдвойне опасной. Ночь поглощала все, что хотела, и как хотела. Сон становился маленькой смертью, уходом.

Привычная жизнь строилась теперь вокруг всеобщего отсутствия. Дядю Эудженио, третьего брата Пьетро, тоже забрали. Его жена переехала жить к Джузеппине. Это стоило дешевле, и в компании друг друга было не так грустно. Вместе две женщины занимались шитьем, чтобы их маленький мир продолжал жить. Магазин готового платья Чикурель доверил им шить летние костюмчики для детей.

Между итальянками, чьих мужей забрали на войну, образовалась некая солидарность. По очереди они ходили в гости к Джузеппине. Дочерей дяди Дузе, которые вышли замуж за англичан, никто не упрекал. К власти захватчиков все здесь привыкли. Они жили в Гизе, в красивых виллах – там же, где обитали самые богатые египтяне. Они были немного высокомерны, но всегда элегантно. Они смешивались с египетскими европейцами, так как женились на женщинах из общины, чаще всего немках.

В Шубре их присутствие давало о себе знать в виде казармы, расположенной в двух шагах от дома Джильотти. По вечерам было грустнее всего: именно тогда увели мужчин. Чтобы развеять тоску, женщины в семье шутили друг с другом. Развлекаясь, они выходили в халатах на пустынную улицу. Когда они проходили мимо казармы, англичане свистели. Они разбегались, как стая воробьев, от души смеясь. Они по-своему бросали вызов власти.

Приходил день, светило солнце, и радость жизни брала верх. В квартале все помогали друг другу. Каждая хозяйка привязывала корзинку к веревке и спускала ее вниз, к бродячему торговцу, либо в окно напротив через узкую улицу, чтобы угостить соседей вкусностями. Все довольствовались тем немногим, что имели. Горе прогоняли с помощью смеха и песен.

Один раз в месяц Джузеппина и дети навещали отца в лагере. В пустыне, за колючей проволокой, Пьетро пытался делать вид, будто все в порядке. Но невозможно было не замечать реальности. Беспощадная жара, недостаток воды, плохое питание, явная жестокость, теснота, болезни. Пьетро испытывал чувство несправедливости. Он не занимался политикой, только музыкой. Без своей скрипки он был несчастен. Он всегда был чрезвычайно нервным, и условия заключения уничтожали его. Он чувствовал себя бесполезным, сведенным до нуля. Ярость поднималась в нем.

Джузеппина делала все, что могла: и она, и дети были безупречны. Но Пьетро слишком рано узнал благородную бедность и то, что она скрывает. Ничто не ускользало от него. Он видел тревогу на лицах детей и усталость на лице жены. Сам он стал неузнаваемым. Иоланде с трудом верилось, что этот исхудалый, небритый человек с загнанным взглядом – ее отец.

Едва вернувшись домой, Джузеппина принималась за шитье детских костюмчиков. Сколько тут было лоскутов ткани. Все было тщательно посчитано, но сантиметр за сантиметром она экономила материал, чтобы одевать свой выводок. Приготовляя еду, она творила чудеса. К итальянским блюдам она добавляла египетские рецепты, которые узнавала у соседей. Иоланда

обожала бульон из трав и фуль, блюдо из стручков фасоли. Ужин заканчивался, и снова швейная машинка стрекотала до трех или четырех часов утра.

Младший брат

Забеременев в третий раз, Джузеппина подготовила свою дочь к будущему событию. Она знала, как ревнует девочка всех, кто приближается к ее матери. Из-за своей болезни Иоланда привыкла быть в центре ее внимания. Чтобы возместить дочери страдания, мать давала ей еще больше любви, и Иоланда всегда боялась, что у нее украдут это сокровище. На протяжении всей жизни она никогда не будет чувствовать себя достаточно любимой. Всегда чего-то будет не хватать.

Когда Джузеппину увозили в больницу, Иоланда захотела ее сопровождать. Доктора пугали ее. Она с криком цеплялась за мать. Она боялась, что мама умрет. Наконец, бабушка взяла ее с собой, показала ей палату и кровать. Иоланда согласилась вернуться домой, но ночью она не спала. Утром, узнав, что Джузеппина родила маленького мальчика, она облегченно вздохнула. Все ее мышцы, напряженные от беспокойства, сразу расслабились.

Снова бабушка отвела ее в больницу. Джузеппина, очень гордая, показала дочери спеленатого младенца, красного и сморщенного. Немедленная реплика:

- *Ma che brutto!* (Но какой он некрасивый!)

Джузеппина рассмеялась. И, однако, когда мать и ребенок вернулись домой, Иоланда отказывалась смотреть на этого чужака, который только и знал, что плакать, есть и пачкать пеленки, и который украл у нее часть внимания матери, принадлежавшего, как она считала, ей. Джузеппина объясняла ей, что любовь матери бесконечна. То, что она дает одному, она не отбирает у другого. Ничего не помогало. Иоланда не признавала разделения. Ей нужно было всё или ничего.

И все же однажды Джузеппина застала Иоланду рядом с колыбелью. Она не заметила, как вошла мать, и как она взволнованно наблюдала в тишине. Иоланда рассматривала ребенка, широко раскрыв глаза.

Сцена повторялась несколько раз. Каждый раз, когда Иоланда думала, что ее не видят, она возвращалась к колыбели. Джузеппина не вмешивалась, но продолжала следить, как ее дочь разрывалась между любовью и обидой.

Шли дни, и Иоланда все чаще и чаще стояла на страже рядом с колыбелью. Она оставалась там часами. Станный разговор начинался между девочкой и младенцем. Он состоял из загадочных слов, неуловимых жестов и улыбок. С тех пор, как только Бруно начинал плакать, Иоланда бежала за матерью. Она не могла больше видеть страданий малыша. Теперь она сама хотела, чтобы Пеппина им занималась. Все чаще она приходила ей на смену, без колебаний сажая Бруно на колени. Она никогда не любила тряпичных кукол, но теперь у нее была живая, которая плакала и смеялась. Ее ревность превратилась в покровительство и любовь.

Бруно рос, и это покровительство, эта любовь становились взаимными. Однажды, когда отца уже забрали, Джузеппина сказала мальчикам, что они должны заботиться о своей сестре. В восточной стране традиции еще строже, чем в Средиземноморье. Женщина должна находиться под мужской опекой. Своей мальчишеской свободой Иоланда была обязана только присутствию братьев. Они все делали вместе, они отправлялись в кварталный кинотеатр, где фильмы в ту невинную эпоху шли «для всех». Именно там Бруно посетил откровение. Изумительных актрис, которые двигались по экрану и очаровывали мужчин, он наделял чертами своей сестры. Маленькая девочка в закатанных носках и толстых очках казалась ему будущей звездой. Он стал самым верным ее зрителем. Он в свою очередь полюбил сцену, и он чувствовал, что его будущее, как и Иоланды, было связано с ней. Иоланду он воображал в ярком свете, а себя – в тени, чтобы утешать и ободрять ее. Когда в кинозале гас свет и зажигался серебряный экран, он видел, что вместо имени кинозвезды огромными буквами было написано имя Иоланды Джильотти!

То, что Бруно отводил себе второстепенную роль, не смущало его. В конце концов, он был младшим братом. Орландо, старшему, не было места в этой мечте на двоих. Как и для Джузеппины, не разделяющей эту сценическую страсть двух детей. А Иоланда хотела быть первой. Второе место ее не интересовало. Об отце она всегда говорила, что он первая скрипка, и выделяла слово «первая».

Страсть к сцене и мальчишеские игры не мешали Иоланде продолжать хорошо учиться в школе. Помимо библейской истории ей нравилась просто история, а также орфография. Она была перфекционисткой, она любила безупречную работу. Она получала хорошие отметки по письму и волновалась о своей подписи, неустанно трудилась над ней. Думала ли она о будущих автографах?

Ее каллиграфическая подпись, датируемая третьим триместром 1948 года, стоит в углу рисунка, где изображена ветка с вишнями. Итак, у нее был третий триместр. В школьной ведомости того же года мы найдем хорошие отметки почти повсюду, кроме шитья, по которому она получала нули. Шитья ей хватало дома. Поведение: девять из десяти. Она изучала арабскую литературу, английский, французский и итальянский. Эта языковая подготовка позже будет ей полезна. По пению ничего, этого предмета у нее не было. У нее средние результаты по счетоводству и стенографии. И, однако, именно по этому пути она направляется: ее настроили, что она будет заниматься технической работой. В то время и в той стране для девушки почти не было других профессий, кроме медсестры, учительницы или секретаря. Последнему выучиться проще и быстрее. Иоланда раньше мечтала стать писательницей, доктором и даже монахиней. Теперь это прошло. Она хранит тайну другой мечты, мечты о сцене. В глазах ее родных это невысказано. Для всех, кроме младшего брата, который тоже молчит и ждет.

Возвращение

16 августа 1943 года союзники высадились в Сицилии, и этот десант увенчался успешным взятием Мессины. Фашистский режим рухнул. Виктор-Эммануил II поручил маршалу Бадوليو вести переговоры о перемирии. Оставшаяся Европа тоже освободилась. И для Египта война кончилась. В 1944 году англичане отпустили итальянцев.

Когда Пьетро вернулся домой, он нашел свою дочь изменившейся. Ей было десять лет. Трудности сделали ее взрослее. Мальчишеские игры придали ей уверенности. Она еще носила очки, но знала, чего хочет.

Она сделала возвращение отца своим праздником. Но и отец тоже изменился. Это был человек побежденный, уничтоженный, вернувшийся после четырех лет заключения в пустыне. Его здоровье ухудшилось, и хорошей кухни Джузеппины было недостаточно, чтобы восстановить его. Тем более что денег по-прежнему не хватало. Опера прекратила свои спектакли. Пьетро пришлось решиться работать в кабаре и ночных барах, сопровождать певичкам, которые распевали заезженные шлягеры и ублажали богатых гуляк. Он боялся этого, для него это было дополнительное падение после заключения. Жизненные силы иссякли. Он потерял веру в себя, он казался себе пропавшим человеком и думал, что никогда не выпутается.

У него испортился характер. Его мучили страшные головные боли. Он не переносил шума. Он кричал громче, чем раньше, на уличных детей. Он кричал и на своих собственных детей, замирающих от страха, и даже на кроткую Джузеппину, которая терпела это со слезами на глазах. Когда он терял контроль над собой, он становился яростным, безумным. Начинили сыпаться удары. С этим, несмотря на свое терпение, Джузеппина не могла смириться. Потом Пьетро раскаивался и переживал, но зло уже было причинено.

Все домочадцы ходили на цыпочках. Теперь Иоланда жалела о прежней жизни. Несмотря ни на что, тогда было веселее, никто ни за кем не следил. И к тому же отец тоже частично отнимал у нее мать.

Когда дядя Эудженио тоже освободился, он снова стал работать механиком. Его жена вернулась домой с кузиной Розы, которую Иоланда называла своим «маленьким ребенком». Бруно вырос, и роль живой куклы теперь играла Розы. В три года у нее был плохой аппетит. В семье с едой не шутили, Розы должна была оставаться за столом и есть до конца. Ее слезы капали в суп. Иоланда забавляла ее, отвлекая ее внимание, и иногда защищала ее. Розы станет, после Бруно, вторым членом фан-клуба юной Иоланды Джильотти.

Теперь, когда в школе кончались занятия, Пьетро иногда приходил за дочерью. Она выжидала; когда она видела отца, то пряталась. Монахини везде ее искали. Они догадывались о семейных проблемах. Они очень любили эту старательную девочку, особенно сестра Феличина.

Позже, когда дети ложились спать, раскаты голоса отца гремели из комнаты. Несмотря на любовь, которая всегда связывала родителей, у них больше ничего не ладилось. Гармония была нарушена. В криках отца Иоланда слышала гнев и ненависть, направленные, казалось, против

всего мира. Несмотря на свою ярость, он оставался очень любящим отцом, но дочь отталкивала его. Непонимание росло. Пьетро чувствовал, что семья отвергает его, что они привыкли обходиться без него. Иоланда боялась его и ненавидела. До смерти, скажет она позже, и это детское желание тяжело скажется на ее будущем. Покорность матери причиняла ей боль. Она говорила себе:

«Я на это не пойду, никогда!»

Она пообещала себе никогда не зависеть от мужчины. Она была слишком юной, чтобы понять, что сделало ее отца полубезумным. Намного позже она догадается, что эта ненависть была всего лишь другой формой любви, и, как она скажет, «больше, чем сама любовь». Пьетро озлобился, потому что вынужден был покинуть родных и не мог им дать того, что хотел бы. Годы вынужденного молчания сделали его неспособным к общению. Он мог говорить с другими только так, как говорили с ним самим – крича, отдавая приказы грубым тоном, не терпящим никаких возражений.

Иоланда стискивала зубы. Повторяла про себя, что ненавидит отца. И это было ужасно. То, что было только желанием ребенка, высказанным в гневе, сбылось. Два года спустя после освобождения Пьетро внезапно скончался, изнуренный напряжением, тревогой и заботами. Доктор поставил диагноз: инсульт. Ему едва исполнился сорок один год.

Иоланда поймет переживания своего отца только тогда, когда сама займется артистическим ремеслом. Но когда он умер, ее злость только возросла, делая боль еще более горькой. В двенадцать с половиной лет она не была еще такой зрелой, как старший брат Орландо, который стал теперь главой семьи. Она не была и маленькой, как Бруно, который почти не знал отца. На пороге юности, в этот важнейший момент жизни, когда она начала сознавать свою женственность, утрата казалась еще более жестокой. В ней бушевала буря чувств. В этом смятении она не могла ни предаваться трауру, ни избавиться от шока. Так как ее отец оставил их как раз тогда, когда она больше всего в нем нуждалась, она воображала его более ужасным, чем он был. Но этот воображаемый злодей плохо помогал справиться с отсутствием. И ее отношения с мужчинами всегда будут развиваться под знаком этих недоразумений, этих противоречий.

Она запрещала себе оплакивать того, кто, как она считала, не заслуживал этого. В ней копилась скрываемая слезы, хотя она этого не сознавала. Часть ее самой стала подобной тому отцу, которого у нее никогда не было. Образовалось жестокое «сверх-я»: она не будет прощать себе ни единой слабости, всегда станет требовать от себя все больше. Она хотела выглядеть независимой и сильной. Казалось, ее детство кончилось мгновенно, но в ней навсегда останется маленькая плачущая девочка, скрытая глубоко внутри. Ее самообладание было как повязка на ране, которая не может затянуться. Все, что скрыто, будет проявляться внезапно, без контроля, в моменты крайнего волнения. Это странное горе станет ее проклятием: она всегда будет искать образ отца во всех мужчинах, которых встретит.

Она могла рассчитывать только на себя саму. Она перестала быть косоглазой девочкой, изгоем, но стала теперь сиротой в патриархальном мире, где женщина может существовать только рядом с мужчиной. Она сделает все, чтобы существовать независимо, и чтобы стать как можно сильнее. Но она никогда не перестанет надеяться, что однажды ее принц придет...

Самая красивая

В то время школа была убежищем. Общество монахинь в капорах и девочек в передниках было неизменным и утешающим.

Ей было одиннадцать лет, когда состоялась экскурсия в Александрию. Они отправились в пять часов утра. Чтобы быть уверенной, что она не опоздает, Иоланда провела ночь в пансионе. Рядом были расквартированы американские солдаты, от девочек их отделяла высокая стена. Они не могли их видеть, зато слышали. Старшие ученицы были очень взволнованы. Воспитанная на фильмах, Иоланда воображала себе целую армию Гэри Куперов. Они бросали через стену шоколадки – тот самый шоколад Херши, который для детей времен войны стал символом американской щедрости.

Когда Иоланда в первый раз увидела море, она была очарована. Там, в сверкании волн, разве не видна была одна из тех сирен Александрийского порта, о которых так красиво споеет позже ее соотечественник Клод Франсуа? Но ей пришлось сразу отвернуться от ритмичного движения

волн. Жадно съеденный шоколад причинял ей ужасные муки. Воспоминание об этом поэтическом месте будет теперь ассоциироваться с первым в жизни расстройством желудка...

В школе, под платанами во дворе, монахини собирались на тайный совет. Как помочь этой страдальце, как вернуть ей веру в себя? Сестра Феличина, когда-то придумавшая для девочки фонограмму, подтолкнула ее к тому, что она страстно любила: к сцене. Она уговорила ее сыграть в спектаклях по случаю окончания учебного года, в драмах о фараонах и библейских героях. Игра Иоланды удивляла, настолько убедительной она была. В тринадцать лет она с триумфом сыграла свою первую главную роль – богини Исиды. Накрасившись в первый раз и подведя глаза углем, со своими высокопарными жестами она во всем походила на звезду немого кино.

Ведь Иоланда начала интересоваться своей внешностью. На пороге юности она стала заниматься самостоятельным лечением. Она решила упражнять свой больной глаз. Она вспомнила восстановительные упражнения, которые ей когда-то прописали, и придумала новые. Чтобы заставить себя смотреть прямо, она капала на висок масло. Таким образом, косой глаз отвлекался на другое ощущение. Эти действия давали результаты, но под влиянием усталости или волнения легкое косоглазие возвращалось. Ее усилия только заставляли его преобразоваться: из конвергентного косоглазие легко становилось дивергентным. Это все-таки был прогресс. Позже, когда новые операции сделали глаз еще более устойчивым, она приобретет «взгляд Венеры», символ ее шарма.

Ее тело быстро менялось. В четырнадцать лет у нее уже была фигура женщины. Когда она проходила по улице, мужчины посвистывали и шептали лестные комментарии. Сначала она не могла поверить, что это о ней. Ее лицо, вечно скрытое под очками, вряд ли привлекло бы их внимание. Школьная блузка, напротив, не могла уже спрятать горделивые груди, точеные бедра, длинные ноги. В зеркале она открывала, изумленная, новую Иоланду. Пророчество Джузеппины начало сбываться: «Потом ты будешь самой красивой».

Ей нравились знаки почтения. Малейший признак внимания восхищал ее. Это доказывало ей, что она не уродлива. Ее тело стало реваншем за ее лицо. Она очень этим гордилась.

«Фигура – моя визитная карточка», говорила она себе. «Благодаря ей я однажды смогу уехать».

А она уже мечтала об отъезде. Эта идея пришла к ней в тринадцать лет, вскоре после смерти Пьетро. Она хотела покинуть дом в Шубре, ставший местом печали и траура. Во время сиесты, чтобы отвлечься, она часами читала в своей синей девичьей комнате. Она любила фантастическую литературу, те романы, герои которых перемещались с планеты на планету со скоростью света. Но вот книга кончалась, и она оглядывалась вокруг: космический корабль исчез. Снова ее окружали стены.

«Здесь слишком тесно», думала она. «Просто задыхаешься».

Как принцесса из сказки, она поднималась на башню. Узкая лестница вела на террасу. Вдали были видны треугольники пирамид, источенные песком и ветром. Над ней расстилалась неумолимая синева неба. Там была пустыня, полная миражей, где терялись таинственные караваны. Она оставалась на террасе часами, замороженная далью. Но никакой принц не показывался на пыльной дороге.

«Я должна уйти, чтобы искать саму себя»

Джузеппина волновалась, что не видит свою дочь.

- Иди, посмотри наверху! – сказала она младшему брату.

Как героиня из «Синей бороды», Иоланда всегда неподвижно стояла там. Бруно взял ее за руку.

Все ее жизнь, когда она будет страдать от одиночества, или когда боль сожмет ее, он будет держать ее за руку.

Она последовала за своим маленьким проводником. Вот и снова она в Шубре. По лестнице поднимались вкусные запахи.

- Мама приготовила *moloeia* (арабский суп), как ты любишь! – воскликнул Бруно.

Принцесса опять стала девчонкой. Она сбегала вниз по последним ступенькам, почувствовав аппетит. Как раз перед этим она сказала Бруно:

- Однажды я уеду.

Он понял, что она не шутит. В другой раз она сказала, когда над ней еще смеялись в школе:

- Однажды я стану кем-то.

Пробуждение

Кем-то, да – но кем же? Быть кем-то, это значит быть свободной... Она отличалась яростным чувством независимости, хотя была скованной с виду. Она поддерживала это чувство, думая: «Однажды...» В кино люди воплощают свои мечты в жизнь. Всегда приплывает корабль или приходит поезд. И они не колеблются. Она тоже не будет колебаться, когда придет момент. Она ждет очень упорно.

В пятнадцать лет она оставила мальчишеские игры. От них у нее сформировалась крепкая фигура, которую она будет всю жизнь поддерживать в форме. Она больше не отвергала вещей, которые Джузеппина шила на машинке. Она всегда была хорошо одета благодаря тому, что находилось под рукой – мать заботилась об этом. Следуя тогдашней моде, она любила носить облегающие вещи, которые подчеркивали ее силуэт. Она была так удачно сложена, что любая тряпка на ней смотрелась. У нее были длинные, черные, сверкающие, густые волосы: великолепная шевелюра.

Как у всех юных девушек, у нее была лучшая подруга, Миранда. Они обменивались женскими журналами и рецептами красоты. Часами она говорили о молодых людях, об этой загадочной породе. Ведь молодые люди – это не то, что братья, даже если общение с последними дает преимущество в искусстве соблазнения. Благодаря братьям Иоланда хорошо знала психологию мужчин и чувствовала себя непринужденно в их компании.

Миранда была очень красива, Иоланда ею восхищалась. Простодушная кокетка, она не давала себе труда прятаться в углу, чтобы улыбаться молодым людям. Она бросала им беглые взгляды, которые считала томными. Она долго репетировала их перед зеркалом, подражая фото из журналов. Миранда знала все о жизни знаменитостей, и их любовные увлечения на глянцевой бумаге не содержали для нее никаких секретов. Рядом с ней Иоланда всегда казалась себе «гадким утенком».

- В любом случае, с моими очками это пропавшее дело.

- Сними их!

Иоланда сняла. Мир вокруг нее стал расплывчатым.

- Ты привыкнешь! – уверяла подруга. – Видела этого типа? Как он на тебя посмотрел! Кстати, он был ничего!

- Да, я видела, - сказала Иоланда и с облегчением надела ненавистные стекла.

Вдруг ее поразила одна мысль. Она видела! Она видела, она же может видеть! Без очков!

Она подбежала к окну, открыла его и выбросила очки, как когда-то надоевшую куклу.

- Никогда больше я их не надену!

Она сказала правду. Никогда больше она их не наденет. Даже под влиянием усталости или стресса. Для этого у нее в сумочке будет пара черных очков. Если нужно, она воспользуется ими. Это и есть звезда. Она начала приобретать аристократизм «босоногой графини»...

Первый флирт

Она не только хотела, чтобы мужчины на нее смотрели: она сама смотрела на них. Когда ей было тринадцать, у каждой девочки вокруг нее был свой маленький кавалер. «Все парни и девушки ее возраста...» И так, она тоже. Не подавая виду, она выбирала. Она всегда будет выбирать. «Мужчина предлагает, женщина располагает». Разве? Достаточно внушить им иллюзию, что они предлагают...

Ее избранником стал мальчик в очках: она еще не успела выбросить свои. Таким образом, он не мог упрекать ее за этот недостаток. Но, в той итальянско-восточной атмосфере, на связь между парнем и девушкой было наложено табу. Грех был повсюду: посмотреть на мальчика было плохо, взять его за руку – еще хуже. Не говоря уже об остальном...

Через тридцать лет, вернувшись в места своего детства, она найдет монахинь из школы. Она спросит ее, всегда ли она ходит на мессу. Она ответит «да», чтобы доставить им удовольствие. Но потом она добавит:

- У нас было слишком много религии. Некоторые табу в конце концов создают драмы, комплекс вины. Мне пришлось освободиться от всего этого. Это было нелегко...

Она потеряет невинность только в двадцать три года.

Не могло быть и речи, чтобы отказать Карло. Ему было пятнадцать лет, и для нее он был почти мужчиной. Тем не менее, в нем оставалось много от мальчишки, он совсем не походил на Тайрона Пауэра или на Эррола Флинна, героев кино, о которых она мечтала, засыпая. Но все-таки под очками у него были синие глаза. В Каире это было редкостью.

«Это любовь с первого взгляда!», подумала Иоланда.

Со следующего дня ее жизнь изменилась. Ради Карло она перестала проводить целый день на улице, жить без запретов, играть с машинками и свинцовыми солдатиками, пинать своих приятелей...

Джузеппина была поражена. Ее дочь больше не хотела слушать, как братья говорят о футболе! Она оставалась дома, послушная как в сказке, и мечтала, растянувшись на узкой кровати в своей синей комнате.

Она возненавидела четверг, который когда-то был ее любимым днем. В этот день она не могла видеть Карло, выходя из школы. Как и ее братья, он ходил в школу для мальчиков, которая находилась рядом с заведением для девочек. В половине первого дня мальчики ждали девочек на тротуаре напротив. Пройдя через ворота, Иоланда видела только эти синие глаза. Но они едва осмеливались разговаривать друг с другом. Когда история любви серьезна, ее не выставляют напоказ. Это был их секрет.

По воскресеньем, перед мессой, Иоланда причесывалась целый час. По десять раз она спрашивала маму, идет ли ей платье. Джузеппина, ничего не подозревая, радовалась. Наконец-то ее дочь стала девушкой!

В полумраке церкви Святой Терезы Карло и Иоланда решались обмениваться пылкими и наивными записками. Иногда Карло держал свое признание в руке, но ему не удавалось к ней приблизиться, и он прятал послание за кропильницей. Иоланда, с благочестивым лицом и опущенными глазами, шла к святой воде, просовывала руку за сосуд, а потом пробиралась сквозь нарядную толпу, чтобы в спокойном уголке прочитать свое письмо. Она перечитывала его, пока не заучивала наизусть. Она опаздывала домой к ужину, ее платье было испачкано пылью того местечка, где она пряталась. Джузеппина жалела, что еда подгорела. Но какой же это набожный ребенок!

За едой Иоланда была рассеянной и едва притрагивалась к содержимому тарелки. Несомненно, она все еще думала об Иисусе? Ничего подобного, она мечтала о Карло! Его записки переносили ее в неведомые страны. Она думала о них всю неделю и представляла себе ответы. Монахини находили, что она делает успехи в сочинениях.

Неожиданное последствие: любовь дала ей голос. Распевая романс, она могла рассказать о своей любви так, чтобы ее мать не догадалась. Балкон дома стал ее первой сценой. Когда она напевала, весь квартал аплодировал. Снова у очага звучала музыка. Она, таким образом, заменила Пьетро. Она иногда жалела, что отец умер, не узнав, что она любит музыку. Она попросила дядю Джорджо научить ее игре на пианино, но оказалась не очень к этому способной. Ей нужно было просто петь, она сама была инструментом.

Чувствуя себя любимой, она расцвела. В школе ее снова попросили сыграть в спектакле по случаю окончания учебного года. Она получила главную роль в мелодраме, благочестиво названной «Свет и тьма». В этой истории о христианских мучениках она играла роль матери, которая принесла себя в жертву ради счастья дочери. С распущенными волосами, одетая в длинную атласную тунику, прохаживаясь в декорациях из папье-маше, она проявила талант трагической актрисы. Монахини были впечатлены и напуганы силой чувств, которые она выражала.

«Эта Иоланда милая девочка, но ее не так легко контролировать».

Фотография увековечила ее игру. Несмотря на расплывчатые одежды, Иоланда обладает зрелостью взрослой женщины. Выражение невыразимой печали кажется прямо заимствованным у Дузе.

Флирт с Карло не продолжался долго. Старший брат боялся, что она вернется к прежним привычкам. Пришло время ей стать барышней! Приятель из зажиточной семьи пригласил его на праздник, и он решил привести туда свою сестру. Джузеппина сшила платье из розовой тюли с большим бантом на поясе. Первый бал. Приехав туда, Иоланда была очарована красивой и богатой виллой, звуками музыки. Мир, который опьянял ее, где она хотела бы жить сама.

Все шло хорошо до полуночи. Как в сказке про Золушку. И вот ее глаза начали болеть. Она стала плохо видеть. Она убежала в слезах. Брат утешал ее:

- Ничего... Это усталость, и слишком яркий свет...

Мать решила откладывать свои небольшие средства, чтобы оплатить новую операцию.

После этого волнующего события трудно было вернуться к клавиатуре, чтобы постигать тайны стенографии. Технические упражнения утомляли ее, но она не жаловалась. Секретарша должна была быть ухоженной и даже элегантной. Когда она пойдет работать, у нее будет снаряжение: сумочка через плечо, туфли-лодочки, широкий пояс, подчеркивающий талию. Она терпеливо принимала свою участь...

Когда она прогуливалась с Мирандой, это были две красавицы. Но Иоланда всегда оказывалась в выигрыше. Благодаря чему-то необъяснимому ее замечали.

Королева красоты

Миранда вырезала статью из «Египетской газеты». Они искали кандидаток для конкурса «*Bathing Beauty*», или «Мисс Ундина». Миранда намеревалась участвовать.

- Ты должна пойти со мной, это будет здорово.

- Мне нечего надеть!

Вот именно. Ведь кандидатки должны были дефилировать в купальниках. В том 1951 году речь шла о новой моде, о купальниках из латекса. Эта революционная ткань облегла тело, как вторая кожа, и отталкивала воду. Первые модели только что появились в Каире. Элегантные женщины красовались в них у бассейнов в шикарных отелях.

Магазин пляжной одежды «Маленькая королева» предоставлял купальники тем, кто дефилировал. Все участницы могли потом оставить купальник себе, как и пару позолоченных туфель – настоящие башмачки, которые Золушка надевала на бал...

«Что мне терять?», сказала себе Иоланда. «По крайней мере, я получу купальник»

Обе девушки записались тайком. В день конкурса они придумали грандиозный трюк: каждая сказала, что идет в гости к другой. В карманах они спрятали помаду и тени. Каждая закатала в рулон бумаги свое самое красивое платье. Они переодевались под воротами, прикрывая друг друга и умирая от страха, что их увидят. Они накрасились с помощью карманного зеркальца и надушились духами, которые украли у матерей.

Иоланда жалела, что у нее не зеленые глаза. Зато она налегала на косметический карандаш и разрисовала лицо, как картинку.

- Ты прекрасно выглядишь! – объявила Миранда.

Конкурс проходил воскресным вечером в отеле «Пирамида». Шикарное место, подобных которому Иоланда никогда еще не видела. Она пожирала глазами все: жюри, декорации, публику; запоминала каждую деталь, чтобы мечтать потом, как вернется сюда победительницей. Уверенная в себе, непринужденная, она сядет в одно из этих роскошных кресел и потребует напиток у согнувшегося пополам официанта.

Но сейчас ей казалось, что она пробралась сюда незаконно. Всю неделю она репетировала перед зеркалом позы звезды, увиденные в журналах. Теперь же она чувствовала себя дурочкой и не решалась даже взглянуть в лицо членам жюри. Для нее это было испытание на силу, экзамен, который нужно было пройти. Она не думала о победе: ей хватало того, что она здесь. Миранда же настолько красивее ее! Сразу перед выходом на сцену она хотела сбежать.

«Если бы мама знала...»

Ей вдруг пришла в голову идея изуродовать себя, уничтожить свое лестное отражение в зеркале. Миранда помешала ей, назвав ее всеми возможными словами. Потом уже сама Миранда захотела удрать, а Иоланда ее удерживала.

Перед жюри они прошли ни живые ни мертвые, прямые как палки. Иоланда была поражена, узнав, что заняла второе место. Она улыбнулась только тогда, когда на нее надели пару туфель на высоких каблуках, волшебный символ ее шарма. К ее великой радости, Миранда была второй после нее.

Две заговорщицы, в восторге от своего приключения, собирались вернуться домой. Но их задержали:

- Девушки, фото!

Первый раз в жизни Иоланда увидела фотографов, которые поджидали ее, как охотники свою жертву.

- Нет, нет, только не фото!
- Но давайте, улыбнитесь! Это для журнала!
- Журнал! А Джузеппина обожала читать его, когда пила кофе!
- Моя мама не в курсе! Если она увидит меня в таком виде, она меня убьет!

Она вдруг оставила свои манеры соблазнительницы и снова стала похожа на девчонку. Но ничего не помогало: ей пришлось принять позу. На фотографии она стояла прямо, руки были прижаты к стене, как будто от страха. Голова опущена, взгляд исподлобья. Ногу она выставила вперед, прикрывая одним коленом другое, как ее любимые кинозвезды. Недовольный и испуганный вид делал ее похожей на дикого зверька. Упавшая прядь волос подчеркивала тот злобный взгляд, который, однако, вызвал у всех единодушное восхищение: «Такая странная, такая оригинальная!»

На другом фото она позирует вместе с Мирандой. Вдвоем они держат огромную баночку крема «Nivea». На этот раз Иоланда улыбается. Мужчинам, будущему, успеху. Она победила!

Обе девушки без помех вернулись домой. Родные ничего не заподозрили. Наивная Иоланда попросила фотографов на публиковать снимки. Она спрятала позолоченные туфли в глубине шкафа в своей комнате.

Скандал!

На следующий день – катастрофа! Джузеппина потрясала «Египетской газетой» и «Прогрессом в Египте». Иоланда отдавала себе отчет, что она принадлежит к каирской семье калабрийского происхождения. И вот она, обнаженная, демонстрирует свои бедра на черно-белой фотографии!

Конечно, весь квартал узнал об этом. Не каждый день уроженка Шубры удостоивается почестей в прессе. В уголках кафе мужчины снова и снова просматривали эту страницу, похвастываясь от восхищения.

Семья разделилась во мнении. Это был вопрос поколений. Двое младших, Бруно и Розы, безумно радовались. Они знали, что в их семье есть звезда! Без сомнения, она стоит Мартины Кароль или Сильваны Мангано! И это только первый шаг на пути к славе!

Орландо, старший, был согласен с матерью. Он был теперь главой семьи. За девочкой, которая растет без отца, надо следить вдвойне строго. Иоланда не должна забывать, что она родом из почтенной и богобоязненной семьи. В ней, которую считали такой серьезной, вдруг проявилось что-то от бабушки Розы и ее утомительных прихотей!

Джузеппина обвиняла себя. Согнувшись над своим бесконечным шитьем, она изводила себя, чтобы воспитать детей, но не смогла уследить за своей дочерью...

Иоланда заслуживает наказания, решили Орландо и Джузеппина. Если разом не покончить с этим, кто знает, что она еще выдумает! Она слишком взрослая, чтобы запирает ее в комнате. Но расстроенной Пеппине пришла в голову идея. Виновата не Иоланда, а ее волосы! Шевелюра, искушающая дьявола! Символ чувственности.

Поспешно позвали парикмахера. Несмотря на мольбы Иоланды, он укоротил ей волосы до «каре». Орландо и Джузеппина сурово наблюдали за операцией. Когда все кончилось, Пеппина успокоилась. У ее дочери снова была прическа школьницы. Постепенно она заставит ее надевать очки...

А Иоланда рыдала. Она чувствовала себя раздетой, поруганной. Ее волосы были секретом ее обольстительности. Как Самсону, ей их безжалостно отрезали.

Через час или два Джузеппина в ужасе поняла, что пытаясь исправить одну ошибку, она совершила другую. Она сочувствовала горю своей дочери и плакала вместе с ней. Если бы она могла, она бы приклеила ей волосы обратно один за другим!

К счастью, у Иоланды были сильные волосы, они быстро отрастут. А Джузеппина с этих пор станет союзницей дочери на всем ее пути к славе. Союзницей нерешительной, беспокойной, но на нее всегда можно будет положиться. Когда утенок превратился в лебедя, невозможно было помешать этой метаморфозе. Для дочери Джузеппина хотела спокойного и надежного будущего: хорошая работа, мирный брак, дети, которым она станет заботливой бабушкой. По правде говоря, она надеялась, что знаменитый конкурс был случайным инцидентом, и что все потом успокоится.

Нужно только, чтобы юность прошла. Главное – не командовать Иоландой: так будет только хуже!

Она рассчитывала на любовь, которую дочь испытывала к ней. С тех пор, как умер Пьетро, эта любовь стала еще более непомерной: это было настоящее обожание. Не так далеко было то время, когда Иоланда цеплялась за мать: матери нужно было уйти в «Чикурель» и отдать шитье. Она кричала:

- Не оставляй меня!

Это стало наваждением. А если мама тоже однажды уйдет, чтобы больше не вернуться? Джузеппина в отчаянии отрывала от себя девочку. Тогда Иоланда шла на балкон и стояла там на посту. Отсюда были видны трамвайные рельсы, вдоль которых спускалась Джузеппина, возвращаясь. Иоланда оставалась там неподвижно, как маленький часовой. Иногда, когда тоска становилась слишком сильной, она брала Бруно за руку и они шли ждать на станцию.

И вот на другом конце улицы показывался силуэт Джузеппины, которая торопилась вернуться! Лицо Иоланды сразу озарялось улыбкой. Тревога, от которой у нее холодела кровь и которая заставляла ее стоять на месте, исчезала. Она прыгала от радости. Видя эти открытые проявления чувств, Джузеппина понимала, как беззащитна ее дочь, несмотря на свой независимый вид. Юная «женщина-вамп» оставалась в душе заблудившейся девочкой. Иоланда заполняла эти пробелы со всей яростью робких и беззащитных.

Старший брат по-прежнему не понимал. Но он тоже любил ее. Для Иоланды он олицетворял собой доброту, сдержанность, власть, благородство, скромность. Если было нужно, он защищал ее. Смерть отца помешала ему продолжать учебу. Он трудился не покладая рук, и ему удалось стать инженером, специалистом по окрашиванию тканей.

После конкурса Иоланда разорвала все фотографии, на которых была изображена в очках. Сейчас она была другой.

Первая любовь

По вечерам, лежа в кровати, Иоланда снова и снова представляла себе момент своей славы. Внезапно мир для нее изменился.

К тому же покончено было с монахинями, с классными комнатами, с этим духом детства и скуки. Она была теперь секретаршей. Каждое утро, одетая с иголки, она отправлялась на работу. Ее хозяин, М. Матук, владел предприятием, которое занималось импортом и экспортом фармацевтических продуктов. Часть зарплаты она отдавала матери, но оставшиеся деньги тратила на то, чтобы производить эффект. Она хранила позолоченные туфли с «Мисс Ундины», чтобы ходить на танцы, а в будни носила черные или белые «лодочки». Обувь навсегда останется ее страстью. Точно так же она любила собранные в складки юбки до колен в стиле Диор; облегающие пуловеры и крахмаленные блузки, широкие пояса и серьги. Новый стиль был все еще на пике моды.

За своей пишущей машинкой она зевала так же, как на курсах стенографии. Постоянно думая о другом, она делала ошибки.

«От 18 числа уведомляем вас, что ваш заказ...»

Как захватывающе! На этой работе даже адреса заставляли ее мечтать. Рим, Рио, Лондон, Париж! Особенно Париж! Заклеивая конверты, она мысленно путешествовала. Она все время повторяла про себя свои давние слова:

«Однажды я уеду...»

Она пела, пела, пела все чаще и чаще. Как только хозяин уходил, в конторе начиналось представление. Она знала наизусть все модные романсы и предлагала их коллегам в своем собственном исполнении. Она бурно жестикулировала. Кот спит – мышам раздолье! И однажды, вернувшись без предупреждения, хозяин увидел, что его владения превратились в ночной клуб. Иоланда изображала Риту Хейуорт в роли Джильды, снимая воображаемую перчатку.

Еще раньше, увидев свою секретаршу в купальнике на страницах газеты, М. Матук нахмурил брови. Но теперь – это уж слишком:

- Эта контора – не место для представлений. Вы всех отвлекаете и сеете раздоры. Ваши таланты больше оценят в другом месте. Советую вам уволиться и посвятить себя кинокарьере.

Иоланда ушла, в последний раз рассмеявшись. Она уже начала работать манекенщицей. Она верила в свою счастливую звезду.

Но у нее не было другой сцены, кроме балкона каирского дома. Она оставалась там часами, когда ночь была теплой. Иногда она даже спала там, так было свежо. По вечерам, когда она пела, окна в ночи открывались. Ее голос разносился далеко. Все аплодировали ей. Каирские ночи – самые прекрасные на свете. Бруно слушал ее, вытаращив глаза. Он говорил:

- Ты моя звезда.

Бруно, влюбленный в кино и в актрис, все больше мечтал о том, чтобы стать режиссером. Первые успехи Иоланды ободряли его. Вдруг все это показалось не таким уж безумным.

Вместе Бруно и Иоланда слушали по радио свою любимую передачу: «Напевы, которые вы любите». Час итальянских и французских песен. Они обожали песни Ниллы Пицци: «Неблагодарное сердце» (*Coeur ingrater*), «Сердце и душа» (*Coeur et ame*), «Плющ» (*Le Lierre*). Иоланда пела вместе с ней. Постепенно она выучила слова. Ей приходилось ждать, когда песню повторят, чтобы запомнить текст. Больше, чем другие, песни Ниллы Пицци (Nilla Pizzi) в то время отражали ее собственную жизнь. Она влюбилась в первый раз.

Прошло время флирта: ее первая любовь, Армандо, был уже мужчиной. Ему было двадцать четыре года, он был инженером-архитектором. В свободное время он играл на пианино. Со своими приятелями он организовал любительский оркестр, и они выступали на праздниках в итальянской общине. Иоланда там пела. Так они и встретились. Он аккомпанировал ей на пианино. Он считал, что у нее красивый голос, но упрекал ее в недостатке техники. Это правда, она никогда не брала уроков, и правда, что Армандо волновал ее. Она часто думала об этом молодом человеке рядом, так близко от нее. Его чудесные голубые глаза, его каштановые волосы, такие густые... Когда он играл, она видела его спину и ей этого хватало. Она открывала в себе желание, которое ее парализовало. Она была очень застенчивой. Ни за что на свете она не позволила бы себе даже жеста.

К счастью, любовь с первого взгляда оказалась взаимной. Как далеки теперь были записки Карло за кропильницей, детские взгляды, брошенные тайком в полумраке церкви! С Карло она делила свое бремя, очки. Армандо же, как и она, вырос сиротой без отца. Они оба чувствовали меланхолию.

Иоланда неистово бросилась в любовь. Ради Армандо она прошла через огонь, но она не знала, как поступить. Вечером 26 января 1952 года у нее было назначено свидание с ним на другом конце города. Центр Каира был охвачен пламенем. Это были страшные бунты. Дома богачей горели. Цензура потом преуменьшила эти события, но ветер разнес повсюду эхо пожара, и разгорелся костер, от которого небо стало красным.

Иоланда пересекла Каир бегом. Горящий пепел оседал на ее лице, на волосах. Ничто не могло помешать ей найти Армандо.

Запыхавшись, она бросилась в его объятия. Он был очень холоден.

- Ты сумасшедшая!

Иоланда ничего не понимала: она же пришла к нему, только это важно...

- А твоя мать? – спросил Армандо.

Вернувшись на землю, Иоланда позвонила Пеппине. Та в страхе посоветовала ей оставаться ночевать у подруги, которая жила в этой части города.

Армандо размышлял. Этот огненный темперамент немного пугал его.

«Она будет чудесной женой, которая усладит твою жизнь», сказала ему ее мать. «Не из тех, кто считает себя героиней оперы».

Как и Иоланда, Армандо был очень привязан к матери. Она была властной и смотрела на Иоланду недобрыми глазами.

- Девушка, которая выставляет себя напоказ и участвует в конкурсах красоты... Она не станет матерью твоих детей...

- Я люблю ее, я хочу на ней жениться, - протестовал молодой человек. – Для меня она откажется от всяких мыслей о карьере. Она так мне сказала!

Семья Армандо обладала некоторым достатком. Но Джильотти были очень скромны. Это пришлось не по вкусу предполагаемой свекрови. Она продолжала противиться этому плану.

- Она хочет развлечься, хочет, чтобы ее заметили.

Оказавшись между двух огней, Армандо выбрал бегство. Он уехал, чтобы работать в Саудовской Аравии. Иоланда провожала его на вокзале. У нее было ужасное предчувствие. Он

обещал, что скоро напишет. Позже она скажет, что с того дня больше не могла садиться на поезд, не испытывая печали.

Все-таки она продолжала надеяться. Но письмо не пришло. Закрывшись в своей комнате, бросившись на кровать, Иоланда выплакала все свои слезы. Подушка не могла заглушить ее рыданий. Съежившись за дверью ее комнаты, Бурно часами слушал эти звуки. Ведь он же так ее любит. И он все время здесь. Разве этого недостаточно?

Нет: Иоланда переживала свое первое любовное страдание. Она возьмет реванш через семь лет. Тогда она будет знаменитой, а Армандо, вернувшись в Каир, женится. Жена не знала о его первой любви. Она спрашивала себя, почему каждый раз, когда ее муж слышит по радио этот голос из Франции, его глаза наполняются слезами, а на лице видна ностальгия.

Фигура манекенщицы

«Я тоже уеду, и очень скоро», говорила себе теперь Иоланда. Из гордости она быстро проглотила рыдания. Еще одно горе, которое она спрятала в глубине души. Это разочарование сказалось на ней. Ее вера в мужчин, поколебленная после смерти Пьетро, еще больше пошатнулась.

- Раз уж меня упрекают в карьеризме, я сделаю все, чтобы добиться успеха.

Ее первые шаги будут казаться неким реваншем над любовью, почти мстью. На фотографиях ее рот получался недовольным, взгляд – опасным. Она как будто говорила:

«Вы не сделали то, что было нужно. Ни один мужчина не устоит передо мной, и ни один меня не достоин»

Это была манера роковой женщины. Иоланда всегда оставалась невинной, приличной девушкой, но она говорила про себя:

«Лучше заставлять страдать, чем страдать самой»

Уволившись из фирмы Матука, она стала работать в «Донне», одном из двух домов моды в Каире. Ее жизнь с тех пор изменилась. Фигура стала ее капиталом. Фигура прежде, чем голос. Это благодаря ей она сначала зарабатывала на жизнь.

В «Донне» она овладела профессией манекенщицы. Она недолго проработает моделью, но этот опыт будет полезен ей всю жизнь. Она знала, что это трамплин. Она превратила себя в красивую вещь, красивое животное. Она научилась ходить, улыбаться, одеваться, быть безукоризненной, чувствовать себя непринужденно в любой ситуации. Немного высокомерия – это очень нравится публике. Она узнала, какие бывают красивые материи, изысканные фасоны. Она заметила, что ей к лицу. Ей нравились восточные соблазны, она любила складки, богатые и немного тяжелые ткани, все, что блестит. Она больше не казалась себе невидимой: теперь видели только её. Она умела придать любому костюму жизнь. И клиенты тотчас хотели его купить. Но на нее одежда не производила такого эффекта.

Иоланда развивала свой стиль. Грацию пантеры. Дикой, готовой к прыжку. Подбородок опущен – она считала нижнюю часть своего лица тяжеловатой. Уклончивый взгляд – она не хотела смотреть прямо, боясь, что обнаружится ее недостаток. Она была так удивлена, узнав, что жюри «Мисс Ундины» нашло ее взгляд волнующим...

Она в себе сомневалась. У нее не было веры в себя. Из-за несчастной любви она рассматривала отношения между полами как войну. Она больше не хотела проигрывать. Чтобы победить, нужно казаться равнодушной. Неуязвимой. Никто больше не прочтает на ее лице ожидания.

Она должна была иметь все козыри на своей стороне. Один режиссер уже заметил ее: решил пойти о небольшой роли в египетском фильме. Но она боялась, что в безжалостном свете прожекторов глаз подведет ее.

Она решила обратиться к доктору Соби, самому известному окулисту в Каире. Он сделал ей операцию, чтобы еще больше стабилизировать глаз. Это вмешательство воскресило мучительные воспоминания. Но она почувствовала в себе необузданную энергию.

После операции ей пришлось целыми днями пребывать в темноте. Все ее существо обратилось к свету, который должен был придти. Братья сменяли друг друга у ее изголовья. Они читали ей любимые книги, рассказывали о фильмах, которые смотрели. Их терпение было бесконечно. Она поклонялась:

«Однажды они будут гордиться мной».

Она не собиралась больше отдавать свое сердце без всяких гарантий. Теперь у нее было три поклонника. Она меняла их, это было безопасней. Она пообещала матери, что до замужества останется девственницей. Снежный покров прятал этот вулкан.

Ее воздыхатели были обеспеченными людьми, они были вхожи повсюду. Они водили ее на вечеринки «золотой молодежи». На огромных террасах вилл в духе Арт-Деко они танцевали танго и румбу. Но Иоланда отказывалась целоваться под пальмами и не доверяла сладкому вкусу предательских коктейлей.

У ее поклонников были красивые машины: мощные автомобили с открытым верхом. Они мурлыкали, как большие коты, поражали весь квартал ревом своих сирен, и преодолевали километры до казино «Пирамида». Это там проходили показы мод у манекенщиц «высшего класса» - еще не было слова «топ-модель». Они отправлялись и в спортивный клуб «Гезира», где выступали иностранные певцы, и в «Хельмия-Палас», где пели лучшие французские артисты: Жаклин Франсуа, Рене Леба, Жюльетт Греко.

Проспект Пирамид начинается в центре города, это самая большая улица Каира, местные Елисейские Поля. На круглой площади находилась чайная-кондитерская «У Гроппи», где по субботам после полудня собиралась молодежь из французских, итальянских, греческих, армянских колоний. Некоторые египтяне из хороших семей тоже посещали этот клуб. Здесь пили лимонад и оршад, здесь в складчину устраивали вечеринки. В Каире жизнь сладка. Все здесь понимали друг друга, все говорили по-французски и по-английски, часто с иностранным акцентом.

Иоланда была очень молода и старалась выглядеть как можно взрослее, чтобы казаться уверенной в себе, избегать «опасного внимания» из страха, что ее это ранит. Несмотря на слегка радикальный стиль, она никогда не была вульгарной. Сзади она казалась роковой женщиной, а спереди – приличной девушкой, немного наивной пуританкой, при всех ее свободных манерах. Уроки добрых монахинь глубоко отпечатались в ее памяти, Иоланда была пленницей разных табу. Огонь и лед представляли собой взрывчатую смесь, тем более что она никак не давала о себе знать.

Джузеппина слишком часто видела, как страдает Иоланда. История с Армандо приводила ее в отчаяние. Ее девочка, такая красивая, такая разумная, такая милая... Иоланда могла теперь покупать все журналы о европейской моде, какие хотела. Она листала их рядом с матерью и говорила «это», «это». Джузеппина шила по этим моделям. Даже если ткань была недостаточно хороша, на ее дочери смотрелась любая тряпка. Она видела, как Иоланда уходила по вечерам, похожая на подарочный сверток. Она доверяла дочери. Она знала, что Иоланда не была легкомысленной: скорее даже наоборот, у нее на сердце было слишком тяжело. И мужчинам, которые провожали ее, она не дарил ничего взамен за их восхищение.

- Я очень надеялась, что однажды со мной что-нибудь случится, - скажет она потом. – Но я не знала, чего жду.

Мисс Египет

Она участвовала в конкурсе «Мисс Египет», который проходил в мраморе и золоте отеля «Пирамида». Она упивалась аплодисментами, взглядами мужчин, завистью других девушек. На этот раз Джузеппина дала согласие. Даже старший брат не возражал. Он начинал признавать, что его сестра не такая, как все.

На первом показе она была в вечернем платье из «Донны». Джузеппина ликовала среди публики: ее дочь – самая красивая! В ней было нечто неопределенное, чего не хватало другим: класс. Она была создана для другого мира. Нужно было помочь ей войти туда. Чтобы она оказалась там, где должна быть. Чтобы ее узнали.

Второй показ, в купальниках, произвел новое впечатление. Иоланда дефилировала вместе с последними финалистками. Их закрытые купальники все походили друг на друга. Но выход Иоланды произвел сенсацию. Весь зал задержал дыхание. Она вышла в открытом тигровом трико. Очень ново, очень смело. Такие купальники называли «бикини», потому что на острове с таким же названием американцы взорвали первую водородную бомбу. Промышленник Луис Рипар (Louis Reard) представил их 5 июля 1946 года у бассейна Молитор, чтобы возвестить безмятежность

послевоенного времени. Понадобилось несколько лет, чтобы публика приняла новинку. В 1952 году Брижит Бардо надела бикини на пляже в Каннах...

Иоланда надела высокие трусики и бюстгальтер. Ее чуть золотистая кожа казалась бархатной, как абрикос. Наряд мог бы выглядеть неприличным, но его прикрывала накидка из пестрой ткани. Она уже была похожа на «королеву мюзик-холла». Накидку она заказала в «Донне» и дала инструкции. На ногах – тигровые сандалии: она была одновременно более обнаженной и более одетой, чем другие.

Выйдя на эстраду, она несла впереди свой номер, написанный на большой круглой табличке. Цифра семь, как будто приносящая удачу, но именно семерка отметит роковые даты ее жизни. Она отдала табличку конферансье, сделала три шага и сбросила накидку. В противоположность другим, она обладала чувством меры, то есть артистическим духом. Одной фигуры недостаточно: красивых девушек хватает! Она должна была разыграть представление, придать своей фигуре смысл.

Только Иоланда решилась повернуться к публике лицом. Она смотрела жюри прямо в глаза: неловкость времен «мисс Ундины» исчезла. Она приняла свою знаменитую позу: одна нога слегка согнута и выставлена вперед. Она одновременно играла роль тореадора и побежденного быка, укротителя и хищника. Ее волосы выглядели как черная каска. Кольца в ушах напоминали сразу о цыганской свободе и о знаке рабства. Приоткрытые полные губы обнажали блестящие зубы. Казалось, что она вот-вот укусит, но нет, она улыбалась.

Разумеется, она заняла первое место. Среди публики трое мужчин поняли, что произошло нечто важное. Ниази Мустафа (Niazi Moustafa) был модным египетским кинорежиссером. Для своего нового фильма, музыкальной комедии, он искал красивую девушку на роль европейской медсестры, которая соблазняет египетского доктора. Он задумался. С этим сочетанием сдержанности и чувственности новая мисс Египет должна легко менять блузку медсестры на платье женщины-вамп.

Француз Марк де Гастен (Marc de Gastyne) тоже задавал себе вопросы. За его спиной были большие успехи, в том числе фильм о Жанне д'Арк, завоевавший призы кино клубов. Он приехал, чтобы снять фильм о древнем Египте, «*Маска Тутанхамона*» (La Masque de Toutankhamon). Очень быстро он решил добавить в сценарий роль шпионки. Это была очень короткая роль, в которой Иоланда, каирская Мата Хари, обольстит главного героя (его играл Жиль Видал (Gil Vidal), танцующая танец Семи Вуалей. Одетая в темный шелк, расшитый золотом, она будет кружиться перед собранием восторженных арабов.

- Вы умеете танцевать, мадемуазель?
- На самом деле нет...
- А петь?
- Немного...

Это не смутило ни Марка де Гастена, ни Ниази Мустафу, который решил, в свою очередь, снять ее в фильме «*Стакан и сигарета*» («*Sigara wa kass*»).

Это будет первый опыт Иоланды в кино. Она играла главную роль в паре с молодым Набилем Эль Альфи. Афиша гласила:

«Участвует мисс Египет 1954 года, Далила».

Теперь она могла силой собственной воли пошатнуть колонны дворца... Во время съемок «*Бокала, сигареты*» в Европе был очень популярен фильм «*Самсон и Далила*» режиссера Сесилия Б. де Милля (Cecil B. De Mille) с Хеди Ламарр (Hedy Lamarr)... Все считали, что Иоланда похожа на Хеди Ламарр, страстную героиню «*Экстаза*» («*Extase*»)- первого фильма, где женщина появлялась обнаженной. Иногда ее останавливали на улице и говорили об этом. Как раз была мода на псевдонимы. Ниази Мустафа подал идею: почему бы не Далила? Иоланда, вспомнив свои уроки библейской истории, больше не колебалась...

В фильме она играла женщину-вамп с Запада. Медсестра-иностранка с горящими глазами соблазняла своего патрона, усача с гипнотическим взглядом. В одной сцене она казалась бескорыстной и преданной женщиной, а в другой становилась роковым созданием. На ней было узкое черное платье с разрезом до самого бедра. Так она показывала две стороны своего характера. Первые журналисты, бравшие у нее интервью, будут удивлены, когда она окажется любезной и очень простой девушкой, далекой от мрачного лицемерия своей героини. Ей была нужна эта маска, защищавшая ее. Много времени пройдет, прежде чем она научится быть самой собой, оставаясь спокойной.

С незаурядным мастерством она пела, аккомпанируя себе на пианино, ностальгическую песню в духе Марлен, «*Desiderio di un'ora*» («*Минутное желание*»). Декорации были великолепны: креста в стиле Людовика XV, рояль, мебель из красного дерева, роскошные букеты, люстры с бахромой. Иоланда с чувством танцевала и пела о мимолетном желании. Она сама придумала себе хореографию, позаимствовав ее из фильма с Ритой Хейуорт (Rita Hayworth), который вышел в том году.

Часть съемок фильма де Гастена проходила в Верхнем Египте. Гастен считал, что у Иоланды лицо античной женщины. Он хотел снимать ее рядом с фресками. Чтобы не скучать во время долгих часов ожидания, она пела. Под сводами гробниц Долины Королей ее голос приобрел неожиданную глубину. Марк де Гастен был покорен. В этой девушке было скрыто многое. Он предложил:

- Вам следует приехать в Париж. Уверен, там вы найдете работу.

Париж! Иоланда так давно мечтала о нем! Но ей было немного страшно. И она должна была уговорить Джузеппину. Мать не доверяла этому иллюзорному миру кино, где царили, как она считала, ложь и разврат. Во время съемок она была здесь. Сидя на складном стуле, она вязала, одним глазом поглядывая на свою работу, а другим – на дочь. Когда она не могла прийти, то присылала Бруно, который сразу прибегал. Он был очень юным, но сумел воспользоваться случаем. Он приносил прожекторы и ящики с пленкой. Он все видел, многому учился, ободрял свою сестру и уже тогда давал ей советы.

Иоланда расцвела. Ей очень нравилось, что на нее смотрят. Немного позже в «*Cinemonde*» опубликовали фото, где она предстала в знаменитом тигровом купальнике. За ней стоял ее партнер, молодой актер Жиль Видадь с точеными чертами лицами, чей шарм произвел ажиотаж в Париже. Руки Иоланды лежали на его мускулистых бедрах, а его губы искали ее в попытке поцелуя. Одна рука молодого человека ласкала волосы партнерши, другая прикрывала ее локоть, близко к груди. Это фото говорило о многом, чего на нем не было изображено. Иоланде нравились мужчины, и мужчинам это нравилось.

Во время съемок Иоланда открыла для себя Верхний Египет. Луксор, Карнак, Абу Симбель: от этой красоты у нее на глазах выступали слезы. Она была очарована, спускаясь по величественному Нилу с его лимонными водами. Она оценила спокойное обаяние деревушек на берегу реки, удивилась улыбчивому терпению фермеров, таких бедных и таких выносливых. Величие монументов и гробниц, грандиозность истории этой страны оставят ей любовь к излишеству, к стилизации, церемониальное отношение к смерти.

«В Египте появилась секс-бомба, и ее тиканье уже слышно» - вот что подумал третий мужчина, который заинтересовался Иоландой в вечер конкурса «мисс Египет». Определенно, мужчины приходили в ее жизнь по трое... Этот представлял здесь крупную американскую кинокомпанию. Он искал дублершу для... Риты Хейуорт, в фильме под названием «*Земля фараонов*» («*Terre des pharaons*»)

Американцы пригласили Иоланду, попросили ее подвигаться и пройти. Она будет дублершей Риты во всех сценах, снятых в Каире, когда она не сможет присутствовать. Иоланда встретила с Юлом Бриннером (Yul Brynner) и попросила у него автограф. Они увидятся еще раз в... 1978 году! Иоланда будет петь в Карнеги-Холле, а он – играть на Бродвее в знаменитой пьесе «Король и я». После представления их вместе сфотографируют, и она со смехом напомним ему об автографе, который он дал ей в 1954 году.

Иоланда познакомилась и с Омаром Шарифом (Omar Sharif), дебютантом в кино. У него были впалые горящие глаза, красиво завитые черные волосы, нежное и опасное обаяние, сияющая улыбка. Между ними не было идиллии – только игра, которая потом превратилась в дружбу. Позже он будет утверждать, что сорвал у нее поцелуй, но она не сознается в этом. Он скажет еще:

- Египет сильно влиял на наши характеры, и мы оба почувствовали дружбу. Эта дружба, очень восточная, очень средиземноморская, очень глубокая, длилась потом всю жизнь.

Работа дублерши не была совсем бесполезной: Иоланда научилась жестам Риты, походке Риты, манере Риты одеваться. Этот урок ей послужит...

Уехать

Съемки фильма Гастена завершились, и Иоланда снова задавалась вопросами. Она так долго ждала, и внезапно, всего за несколько месяцев, все перевернулось в стремительном вихре. Она, которая считала, что живет в тени, вдруг оказалась в ярком свете...

Она без оглядки накинута на то, что ей предлагали. Теперь она должна была подумать, потому что ее будущее все еще решалось. В том же 1954 году фирма «Зарпанелли» («Zarpanelli»), крупнейшая кинокомпания в Египте, искала новые таланты. Там работали по контракту знаменитая кинозвезда Самия Гамаль (Samia Gamal) и Омар Шариф, чей первый фильм режиссера Юсефа Шаина (Youssef Chahine) уже прославил его «Дуэль в небе» («*Duel dans le ciel*»). Но Омар Шариф услышит призыв за границы... он станет любимчиком американцев.

В фильме «*Стакан и Сигарета*» Иоланда очень понравилась публике. Она могла бы стать настоящей звездой египетского кино, как сказал ей продюсер. Студии сейчас активно работали, они без остановки снимали фильмы, адресованные широкой публике: ведь они распространялись по всему арабскому миру. Она могла бы стать партнершей Фариды аль Атраше (Farid el Atrache), известного актера и обаятельного певца. Поющий дуэт, почему бы нет?

Но Иоланда считала, что это кино не для нее. Она не хотела вечно играть одну и ту же роль соблазнительницы с подведенными глазами и позвякивающими браслетами, рядом с усатыми партнерами, чьи властные и томные взгляды напоминают отца Рудольфо Валентино...

Нет, она хотела воплотить более современную женщину. И в действительности ее привлекала Европа. Она не забыла о предложении Марка де Гастена. Одно слово сверкало у нее в голове: Париж... На съемках она завязала дружбу с французским режиссером и его женой. Они должны были вернуться в Египет накануне Рождества 1954 года, чтобы переснять некоторые сцены, которыми он был недоволен. А пока они будут переписываться.

К изумлению компании «Зарпанелли», она отказалась от контракта на пять лет, который ей предложили. Она предпочла начать все с нуля, испытать судьбу. А судьба, как она верила, ждет ее в Париже.

Джузеппина все больше и больше тревожилась. Отпустить Иоланду одну во французский Вавилон? Даже речи быть не может! Ее дочь была так невинна при своей внешности роковой женщины. Кто там присмотрит за ней?

Но эта сиротка пробудила в Марке де Гастене отцовский инстинкт. Один из его друзей, Видаль, полковник в отставке, отличившийся в Соппротивлении, хотел стать импресарио. Видаль мечтал о кино и красивых девушках. Марк де Гастен показал ему рабочие позитивы киноизображения, и Видаль решил заняться карьерой этой Далилы и оплатить ей билет «туда и обратно» из Каира в Париж.

Вернувшись в Каир в декабре, как и собирался, Марк де Гастен привез письмо от полковника и предложил забрать Иоланду с собой во Францию на Рождество.

Иоланда прыгала от радости, Джузеппина плакала. Она знала Париж только по международному фольклору: девочки с площади Пигаль, Фоли-Бержер и Эйфелева башня, которая была выше, чем пирамиды, но ее металлическая конструкция не внушала доверия. Франция из Каира казалась дальше, чем Австралия... И казалось, что там все девушки становятся проститутками... Город света, разве он не мать всех пороков?

В доме Джильотти теперь ложились спать позже, чем обычно, потому что споры никак не кончались. Семья вечно делилась на два лагеря: лагерь «против» - Джузеппина, Орландо и дядя Эудженио, который еще недавно отбирал у Иоланды помаду. Лагерь «за» - конечно, Бруно и Роза. Их было двое против троих, они были юны, но глубоко верили, и их лихорадка была заразительна.

Иоланда же не сомневалась. Решившись, она стала очень спокойной. 17 января 1955 года ей будет двадцать один год: совершеннолетие. Никто не сможет помешать ей уехать. Итак, через три недели...

Марк де Гастен приходил к ним домой, в Шубру. Его поведение джентльмена впечатлило Джузеппину. Он уверял ее, что это дело не имеет ничего общего с торговлей женщинами... К тому же он обещал, что пока Иоланда не уедет, она будет жить у них, под крылышком его жены. Она будет вести семейную жизнь. И разве полковник не оплатил обратный билет? Если возникнет какая-то проблема, она сразу вернется.

Джузеппина понимала, что решимость ее дочери непоколебима. Со своей стороны, Иоланда уже не хотела уезжать без материнского благословения. И Джузеппина смирилась. Бруно потирал

руки: его мечта сбывалась. Только Орландо, старший брат, оставался мрачным. Он гордился успехами своей сестры в Каире, но хотел держать ее рядом. Он считал, что риск огромен, и не ошибался. На самом деле Иоланде просто повезло: ей попались порядочные люди, как это еще не раз случится в ее жизни. Ее прямота привлекала к ней прямые натуры, а наивность соседствовала с благоразумием. Но было еще рано утверждать это.

Орландо вовсе не обманывался: Марк де Гастен не сможет сдержать всех своих обещаний. Он немного поторопился. Окажется, что полковник Видадь не хватает звезд с неба в своей новой профессии. И все-таки они дали сигнал к отправлению. Ракета Иоланды приготовилась взлететь, и, несмотря на некоторую задержку, ничто ее не остановит.